

АЛЕКСАНДР ВВЕДЕНСКИЙ И ДАНИИЛ ХАРМС В ЛЕНИНГРАДСКОМ СОЮЗЕ ПОЭТОВ И ЛЕНИНГРАДСКОМ СОЮЗЕ ПИСАТЕЛЕЙ

(По материалам архивов Пушкинского Дома)¹

(Публикация Т. А. Кукушкиной)

Александр Введенский и Даниил Хармс, поэты авангардисты, «чинари», обэриуты, вошли в литературную среду Ленинграда в середине 1920-х гг., когда в стране уже обозначились тенденции унификации культуры в целом и творческие новации неминуемо становились опасной альтернативой общему курсу. Культурная локализация на крайне «левом» фланге поэзии, с самого начала заявленная Введенским и Хармсом, исключала возможность «безболезненного» развития их самобытной художественной практики. Как известно, их творчество реализовывалось, в основном, в неформальных объединениях и узком кругу единомышленников; при жизни каждому удалось опубликовать по два «взрослых» стихотворения. Вместе с тем они состояли в Ленинградском отделении Всероссийского союза поэтов и Ленинградском отделении Всероссийского союза писателей и стремились к легитимности собственного творческого пути в литературе. История участия Введенского и Хармса в этих организациях представляет интерес не только как недостаточно изученный факт биографий поэтов.² В рамках официальных структур произошло неизбежное столкновение двух типов понимания искусства: как надстроечной системы с утилитарными задачами и как особой духовной ценности, специфического способа познания жизни. Строго говоря, это противоречие, независимо от эстетических программ и литературных направлений, и определило

¹ Благодарю В. Н. Сажина за ценные консультации при подготовке статьи.

² Общие сведения об участии Введенского и Хармса в Союзе поэтов приведены в работах: *Jaccard J.-Ph., Устинов А.* Заумник Даниил Хармс: Начало пути // *Wiener Slawistischer Almanach*. 1991. Bd 27. S. 166–172, 182–183; *Хармс Д.* Полн. собр. соч. / Вступ. статья, сост., подгот. текста и примеч. В. Н. Сажина. СПб., 1997. Т. 1. С. 7, 13; *Кобринский А. А.* Поэтика «ОБЭРИУ» в контексте русского литературного авангарда: В 2 ч. М., 1999. Ч. 2. С. 45.

драматические коллизии в судьбе многих писателей, в том числе — Введенского и Хармса.

Обстоятельства их участия в двух Союзах воссоздаются в настоящей работе на основе документов архивов этих организаций, хранящихся в Пушкинском Доме (ф. 291).

К истории приема в Союз поэтов

Ленинградский Союз поэтов был создан в апреле 1924 г. как отделение Всероссийского союза поэтов (предшествующий петроградский Союз поэтов, возглавляемый А. Блоком и Н. Гумилевым, прекратил свою деятельность в 1921 г.). Ядро нового Союза составляло пореволюционное поколение «попутчиков» (Г. Шмерельсон, Н. Тихонов, Е. Полонская, Вс. Рождественский, К. Вагинов, Л. Борисов) и пролетарские поэты. В первый список были включены и крупнейшие поэты дореволюционной эпохи — А. Ахматова, Ф. Сологуб, М. Кузмин, В. Зоргенфрей. В жизни организации они почти не участвовали и считались «безнадежными» членами Союза.³ Возглавлял правление пролетарский поэт И. Садофьев, с апреля 1927 г. — Н. Тихонов. Первые два года своей деятельности Союз был открыт для разных литературных направлений и, по образному выражению Н. Тихонова, представлял собой «литературную Сечь». На вечерах выступали имажинисты, неоклассики, пролетарские поэты, заумники.

Приемом в Союз ведала приемная комиссия; ее решения утверждались правлением. Вступающим предлагалось представить не менее десяти стихотворений. Изданная книга стихов служила беспрепятственным пропуском в Союз.

Хотя к моменту вступления в Союз оба поэта только начинали свой путь в литературе, направление творческих поисков к этому времени уже определилось. Введенский работал на фонологическом отделении Государственного института художественной культуры (ГИНХУК) под руководством И. Терентьева, занимался экспериментами в области стиха и считался футуристом.⁴ Так он обозначил свое литературное направление и в анкете для вступления, заполненной 6 мая 1924 г.,⁵ через месяц после создания Союза.

Как и полагалось, он представил в комиссию десять стихотворений, что подтверждается авторским заголовком на первом листе: «В Ленин-

---

³ См. в дневниковой записи П. Н. Лукницкого от 23 апр. 1925 г.: «В помещении Союза писателей на Фонтанке, 50 от 6 до 12 ½ час<ов> ночи было общее годовичное собрание Союза поэтов. <...> В. Рождественский сидит со списком и отмечает тех, кого нечего ждать на собрании — „безнадежных“ членов его: Сологуба, Ахматову, Кузмина, Клюева» (*Лукницкий П. Н. Asuntiana. Встречи с Анной Ахматовой. 1924–25 гг. Paris, 1991. Т. 1. С. 155*).

⁴ Впервые упомянут в печати в: *К [рыжницкий] Г. Футуризм // Жизнь искусства. 1923. № 27. С. 14–15*.

⁵ РО ИРЛИ, ф. 291, оп. 2, № 60, л. 28. Вступительная анкета и анкета от 4 марта 1926 г., заполненная для регистрации в Союзе, опублик.: Конст. Вагинов и А. Введенский в Союзе поэтов / Публ. В. Эрля // *Wiener Slawistischer Almanach. 1991. Bd 27. S. 222–224; Введенский А. Полн. собр. произведений: В 2 т. / Вступ. статья, примеч. М. Мейлаха; Сост. и подгот. текста М. Мейлаха и В. Эрля. М., 1993. Т. 2. С. 136–137*.

градское отделение Всероссийского Союза поэтов. 10 стихов александроведенского». Девять из них, пронумерованные римскими цифрами «I–IX», хранятся в архиве Союза поэтов и известны исследователям.⁶ Автограф десятого, неизвестного стихотворения, пронумерованный римской цифрой «X», сохранился в составе собрания П. Н. Лукницкого.⁷ Оно написано на листе большого формата из банковской книги с характерным для раннего Введенского графическим оформлением стихов: написание стихотворных строк то письменными, то печатными буквами, выделение отдельных слов и частей слов прописными буквами разной величины. По стилистике, ритмике и графике стихотворение примыкает к его произведениям начала 1920-х гг. «Парша на отмели» и «ПоЛотеРА^М иЛи ОНАНистА^М». ⁸ Приведем стихотворение полностью:

Х

ФЕВРАЛЬ ПЯТОГО Кникса 71

СЕЛЬСК^{ИИ} и ЗАБЕЛ АНЕГДОТ.

а там позади болота
лежит израненный кофий
на нем персидская ленточКА
заВязанная в три узла
один узелок исчерпан
КУСТИ КАми до КонЦА
на двух других на двоих
воробьи свистят

СКАЛЬСЯ СКАЛЬСЯ шоре Е
ГОЛЫМ СЕРЫМ мешочком Е

на скалистом побережьи
соло солома суХЕЕТ.
КАК через тён тён перетён
Как через тюн тюн перетюн
стала шерстяная коШКА
по КОРДЕ внезапно бегать
на одной лапе клеймо КОСА
на языке СИБИРЬ КАЛЕНДарь
ряГа рыба
а ОНЕГА реКА
жиром и стекла

⁶ РО ИРЛИ, ф. 291, оп. 2, № 79, опубли.: *Введенский А.* 1) Полн. собр. соч. / Вступ. статья, подгот. текста и примеч. М. Мейлаха. Анн Арбор, 1984. Т. 2. С. 192–195; 2) Полн. собр. произведений. Т. 2. С. 109–112; Конст. Вагинов и А. Введенский в Союзе поэтов. S. 224–228.

⁷ РО ИРЛИ, ф. 754. Коллекция. Альбом XI, № 26. С декабря 1926 по октябрь 1929 г. Лукницкий был техническим секретарем правления Союза поэтов.

⁸ Авторство этого стихотворения, приписываемого первоначально И. Г. Терентьеву, установлено М. Б. Мейлахом: *Введенский А.* 1) Полн. собр. соч. Т. 2. С. 352–353; 2) Полн. собр. произведений. Т. 2. С. 218.

КИТАЙСКОГО Коня
 КАПАЛ ЖИР И тѣк и ТѢХ
 пока его величество ширКАЛ блоХ.
     БЛОХЕ на спинке
     жур авли летят
     ласточка ЗЕ ркальная
     показывает заД
 ПТИЧКИ ЛЮБЯТ СВЕРХУ гадить
 КАК ИХ ЗА ЭТО НАКАЗАТЬ.
     тогда на зов наш отворился
     горшеч НИК ВЪшел из хИбарки
     ОЧКИ протерв поХвартуК дряхлый
     сказавшись БЭ секунд майором
     его глаза глядели прямо
     его стояли ног и в землях
 а ЧЕРВяки ползли своей дорогой
 НЕСЛЫШНО ДЛЯ
 морщинистых ушей мохнаТЫХ КОЗ
     В освод ширлок
     тут гиацинты нЮхнут
     ЗАТЫЛКАми широкими
     ТОМУ Ж УЖ век
 АХ старикан не затуши свечУ
 Она как белое коленО
     ШИРОК Полях
     глубок морях
     песок оврагах
     вонь часах.
 СКАНЕЛ СКАНЕЯ НА ВѢДРЫШКАХ
 Б В Г Д Е Ж З
 И К Л М Н О П Р С А
 У Ф Х Ц Ч Ш

танк.
 ветер на ^д коробром
 увяли ВЕлы
 вякса.

и нЕи звесно горДым ТИГрам
 зачем им ЗАМУЖ выходить
 вдоль мельниц ИМ приятней БЕГАТЬ
 чем БЛОХ У жон своиХ искать.

александрвведенский.

Документ интересен не только как новый текст Введенского, литературное наследие которого сохранилось не в полном объеме. На обороте листа запечатлена история приема Введенского в Союз поэтов. Оставленные здесь резюме членов комиссии противоречивы:

Немыслимо! В<севолод> Р<ождественский>.

Считаю необходимым вызвать в Союз А. Введенского для личных объяснений. Может быть нужны срочные меры?! Е. Полонская.

Я думаю, тут дело несколько иначе. Надо спросить Туфанова, не знает ли он Введенского как футуриста-заумника. Многие строчки его, несмотря на их «нарочную» комичность — лучше многих строчек просто начинающих. Мне кажется, что Введенский нарочно пишет так, вырабатывая что-то. Это что-то нам еще не доходит до сознания в целом, но кусками воспринимается как Хлебниковская звуковая нить. Предлагаю отложить вопрос о нем до выяснения подробностей. Видно только одно, что косноязычие Введ<енского> рассчитано на введение в заблуждение. Он, вероятно, отлично справляется с т<ак> н<азываемым> гладким стихом. Я почти уверен в этом. Н. Тихонов.

Настаиваю на вызове Введенского в Союз, хотя бы в ближайший вторник. Полонская.

Многие отрывки очень умилительны. Действуют детской непосредственностью, но видно, что это далеко не детский лепет. Славно. Ничего не понимаю, а за прием. А<лексей> К<райский>.

Не выработав единого мнения, приемная комиссия решила вызвать Введенского «для личных объяснений»⁹ и обратиться за отзывом к заумнику А. В. Туфанову.¹⁰ Состоялось ли объяснение с Введенским — неизвестно, но Туфанов свой отзыв дал, вписав его на обороте того же листа с десятым стихотворением:

О стихах А. Введенского

Заумь рождается при расширенном одновременном слушании эпох; в ней — беспредметность и безобразность, как переход к *иной* образности, к новому «имэджинизму» (sic! — Т. К.). В зауми — переход к новой культуре через

⁹ Запись в журнале регистрации заявлений и решений приемной комиссии от 4 июня 1924 г.: РО ИРЛИ, ф. 754. Коллекция. Альбом XI, № 27, л. 1 об.

¹⁰ О Туфанове и созданном им «Ордене заумников» см.: *Никольская Т. Л.* 1) «Орден заумников» // *Russian Literature*. 1987. Vol. 22. № 1. С. 85–95; 2) Заместитель Председателя земного шара // Мир Велемира Хлебникова: Статьи. Исследования (1911–1998). М., 2000. С. 448–455; *Туфанов А.* Ушкуйники / Сост. Ж.-Ф. Жаккар, Т. Никольская. Berkeley, 1991. С. 18–26, 176–180; Дневниковые записи Даниила Хармса / Публ. А. Устинова и А. Кобринского // *Минувшее: Исторический альманах*. М.; СПб., 1992. [Вып.] 11. С. 511–513; *Богомолов Н. А.* 1) Заумная заумь // *Вопросы литературы*. 1993. № 1. С. 307–311; 2) Новые материалы о жизни и творчестве А. Туфанова // *Русский авангард в кругу европейской культуры. Международная конференция: Тезисы и материалы*. М., 1993. С. 89–93; *Из писем А. В. Туфанова 1920-х годов / Вступ. заметка, публ. и коммент. А. Никитаева // Терентьевский сборник*. М., 1996. [Вып. 1]. С. 273–290; *Крусанов А. I*) А. В. Туфанов: архангельский период (1918–1919 гг.) // *Новое литературное обозрение*. 1998. № 2 (30). С. 92–119; 2) *Русский авангард. 1907–1932: Исторический обзор*. М., 2003. Т. 2, кн. 2. С. 88–98; *Эстетика «становления» А. В. Туфанова: Статьи и выступления конца 1910-х–начала 1920-х годов / Вступ. статья, публ. и коммент. Т. М. Двинятиной и А. В. Крусанова // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 2003–2004 год*. СПб., 2007. С. 614–694; *К истории «Левого фланга» ленинградского отделения Союза поэтов / Вступ. статья, подгот. текста и коммент. Т. М. Двинятиной и А. В. Крусанова // Русская литература*. 2008. № 4. С. 149–207; *Переписка А. В. и М. В. Туфановых: 1920–1940-е годы. Часть 1. 1920-е годы / Вступ. статья, подгот. текста и коммент. Т. М. Двинятиной и А. В. Крусанова // Русская литература*. 2009. № 3. С. 148–187.

разрушение самого себя. Она должна быть органически связана со стихией праязыка или своего родного языка. Она должна истекать из основного биогенетического закона о филогенезисе; нельзя перепрыгивать через Пушкина и переходить сразу к зауми.

Вот почему я думаю, что в стихах А. Введенского еще нет зауми. А с другой стороны — явное разделение образов по соотношениям их между природой, стихиями и человеком, т. е. в смысле образности это и не имажинизм.

«Хороший человек», «Прекрасный столяр» и пр<очее> в смысле классич<еской> школы не образы, а обыкнов<енная> прозаич<еская> речь.

Это не заумь, не имажинизм, не классицизм, а скорее нейтрализация словесного пласта — балаган из слов искателя «лефовских» приключений, не считающегося с требованиями органической связи с языком и его прошлым.

Мне кажется, принять в Союз все-таки можно, но не как заумника, а как искателя «лефовских» приключений или даже в качестве «футуриста». Начинаящие — всегда футуристы.

Председатель Земного Шара Зауми
Александр Туфанов.
6 июня 1924 г.

Как научный сотрудник Фонологического отдела ГИНХУК Туфанов, безусловно, был знаком с экспериментальным стихотворчеством Введенского. Хотя в произведениях молодого поэта он не увидел элементов зауми в том значении, которое он вкладывал в это понятие, вектор творческих поисков, несомненно, был ему близок. Неудивительна и его заинтересованность в появлении в Союзе потенциального единомышленника. С самого возникновения организации Туфанов собирал вокруг себя учеников из числа союзной молодежи и содействовал приему участников неформальных «левых» литературных объединений.¹¹

По-видимому, мнение Туфанова оказалось решающим, поскольку 14 нояб. 1924 г. на обороте листа с десятым стихотворением появились лаконичные резолюции членов комиссии:

Принять в Союз — 14 / XI. Н. Тихонов, Е. Полонская.
Принять. А. Крайский.

Обратим внимание на совпадение даты резолюций и выступления Туфанова 14 нояб. на литературном вечере Союза.¹² Не исключено, что Туфанов и «напомнил» членам комиссии о приеме Введенского. В тот же день Введенский (а также Г. Сорокин, Н. Вагнер, Н. Браун) был утвержден членом Союза.¹³ Туфанов присутствовал на заседании правления как член ревизионной комиссии и, несомненно, содействовал принятию положительного решения. В свете последовавших вскоре творческих

¹¹ Весной 1926 г., в частности, Туфанов составлял ходатайство в Союз поэтов о пересмотре отрицательного решения в отношении члена «Левого фланга» Игоря Маркова. Его заявление опубликовано: К истории «Левого фланга» ленинградского отделения Союза поэтов. С. 184–185. В архиве Союза сведений о заявлении нет; вероятно, оно не было подано.

¹² Сведения о вечере приведены Т. М. Двинятиной и А. В. Крусановым в публикации: К истории «Левого фланга» ленинградского отделения Союза поэтов. С. 151.

¹³ Протокол № 12: РО ИРЛИ, ф. 291, оп. 2, № 14, л. 12.

разногласий между двумя поэтами подчеркнем, что именно благодаря протекции Туфанова Введенский был принят в Союз поэтов.

И все же вопрос о точной дате приема Введенского остается открытым. 23 февр. 1925 г. правление снова обсуждало его кандидатуру и утвердило в Союзе одновременно с А. Чистяковым, Н. Рославлевой, А. Палеем, П. Лукницким, Н. Рыковой.¹⁴ Причина повторного утверждения неизвестна, но можно предположить, что он своевременно не уплатил взносы, как это нередко бывало впоследствии. Сам Введенский датой вступления считал 1924 г.

Прием «левого» поэта, воспринимавшегося в Союзе заумником, вызвал недовольство в организации и споры на отчетно-перевыборном собрании 23 апр. 1925 г.¹⁵ А. Палей, в частности, возмущался, что стихи Введенского рецензировал заумник Туфанов, что, по его мнению, исключало объективную оценку. Туфанов, в свою очередь, подверг критике принципы приема и профессионализм самих членов комиссии, оценивающих стихи «на ощупь». В его выступлении прозвучали резкие упреки по адресу Полонской и ее доклада о работе комиссии. Вероятно, причиной этих выпадов послужила позиция Полонской в отношении приема Введенского.

Даниил Хармс вступал в Союз поэтов в 1925 г., через год после Введенского. В исследовательских работах указываются две даты, относящиеся к его приему: 9 окт. 1925 г. он заполнил союзную анкету,¹⁶ где на вопрос о литературном направлении ответил: «Председател Взирь Зауми» (sic! — *Т. К.*); 26 марта 1926 г. правление утвердило его членом Союза. В действительности процедура приема началась раньше, а закончилась позже указанных чисел.

Заявление о вступлении не сохранилось, но дата подачи — 15 авг. 1925 г. — зафиксирована в журнале регистрации заявлений и решений приемной комиссии.¹⁷ К этому времени Хармс был известен как ученик Туфанова, член «Ордена заумников», первого объединения «левых» поэтов в Ленинграде; входил в содружество «чинарей», включившее Введенского и его соучеников по гимназии Я. Друскина и Л. Липавского; неоднократно бывал в качестве гостя на закрытых литературных собраниях Союза, так называемых «пятницах». Документально подтверждается его регулярное присутствие на союзных вечерах с конца мая 1925 г.¹⁸ Об интересе к организации свидетельствуют дневниковые записи Хармса, где уже с лета 1925 г. появляются имена многих членов Союза. Вероятно, в этот период оформляется и замысел объединения

¹⁴ Протокол № 15: Там же, л. 15 об.

¹⁵ Подробнее об этом эпизоде см.: *Кобринский А. А.* Поэтика «ОБЭРИУ» в контексте русского литературного авангарда. Ч. 2. С. 45; *Кукушкина Т. А.* Всероссийский союз поэтов. Ленинградское отделение (1924–1929). Обзор деятельности // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 2003–2004 год. СПб., 2007. С. 99–100.

¹⁶ РО ИРЛИ, ф. 291, оп. 2, № 63, л. 23. Опубл.: *Jaccard J.-Ph., Устинов А.* Заумник Даниил Хармс: Начало пути. С. 166–168. Здесь же опубликована вступительная анкета Туфанова от 9 апр. 1924 г. (С. 218–219).

¹⁷ РО ИРЛИ, ф. 754. Коллекция. Альбом XI, № 27, л. 5 об.

¹⁸ Списки (с подписями) присутствовавших на литературных «пятницах» с 29 мая 1925 г. по 2 апр. 1926 г.: РО ИРЛИ, ф. 291, оп. 2, № 31.

«левых» литературных кругов. Само решение о вступлении в Союз поэтов явилось «одним из первых реальных воплощений идеи консолидации». ¹⁹

Известно, что Хармс представил в комиссию две школьные тетради со стихотворениями 1925 г., созданными в период ученичества у Туфанова. ²⁰ 9 окт., после летнего перерыва в работе правления, он заполнил вступительную анкету и с этого времени, бывая на литературных вечерах, регулярно расписывался в графе «члены Союза».

16 окт. 1925 г. на одной из литературных «пятниц» состоялся вечер заумников, на котором были оглашены основные положения «Ордена» и манифест, с докладами и чтением произведений выступили Туфанов, Хармс, Вигилянский, Введенский. По мнению Туфанова, вечер прошел удачно, ²¹ но присутствовавшие были явно обескуражены предложенной им классификацией поэтов по кругу и под углом в 360°, хоровым произнесением отрывков из поэмы Туфанова и образцами абстрактной зауми. Характеризуя реакцию слушателей, сам Туфанов признается, что «для диспута аудитория была не подготовлена, и выступления (членов Союза. — Т. К.) носили курьезный характер, что дало повод А. Туфанову говорить о „речевом тике“ у ораторов и неубедительных пророчествах „пифий“». ²² Негативное впечатление от вечера сказалось на характере обсуждения вопроса о приеме Хармса, состоявшегося после этого выступления. Вкупе с представленными Хармсом заумными стихотворениями оно и определило единодушное мнение комиссии — «отказать»:

Отказываюсь давать какой бы то ни было отзыв о «произведениях» Хармса. Ничего не понимаю. 16 / X 25. В. Эрлих.

После публичного выступления ясно, что серьезная работа над словом ведется только Туфановым. Остальные опытничают, еще более оригинальничают. Отказать. А. К<райский>.

Остроумничанье типа армянских анекдотов + детское желание эпатировать «неприличными» словами вроде: пуп, панталоны и т. д. + удивление, что слово имеет кроме смысловой еще звуковую сторону. Отказать. К. В<агинов>. ²³

¹⁹ Jaccard J.-Ph., Устинов А. Заумник Даниил Хармс: Начало пути. С. 166. Отметим также, что одновременно с Хармсом заявление о вступлении подал член «Ордена заумников» Евгений Иванович Вигилянский (1903–1942?).

²⁰ РО ИРЛИ, ф. 291, оп. 2, № 121, л. 1–28. Впервые опубли.: Jaccard J.-Ph., Устинов А. Заумник Даниил Хармс: Начало пути. С. 184–197.

²¹ Информация об этом выступлении изложена Туфановым в заметке «Вечер заумников», написанной от третьего лица: Хармс Д. Горло бредит бритвою. Случаи, рассказы, дневниковые записи / Сост. и коммент. А. Кобринского и А. Устинова; Предисл. А. Кобринского // Глагол. 1991. № 4. С. 195; Введенский А. 1) Полн. собр. соч. Т. 2. С. 238–239; 2) Полн. собр. произведений: Т. 2. С. 137–138. В исследовательских работах дата вечера приводится с различием — 16 окт. и 17 окт. 1925 г. В 1925 г. пятница пришлась на 16 окт. В архиве Союза поэтов сохранился список присутствовавших на литературной «пятнице» 16 окт. 1925 г. с подписями Туфанова, Хармса и Введенского: РО ИРЛИ, ф. 291, оп. 2, № 31, л. 14. Дата вечера — 17 окт. — ошибочно поставлена Туфановым в его заметке.

²² [Туфанов А.] «Вечер заумников». Цит. по: Введенский А. Полн. собр. произведений. Т. 2. С. 138.

²³ Впоследствии Вагинов входил в состав второго «Левого Фланга» и ОБЭРИУ. О творческих контактах Вагинова и Хармса см.: Кобринский А. Даниил Хармс и Константин Вагинов // Russian Literature. Amsterdam, 2006. Vol. 60. N 3–4. P. 379–386.

Конечно, отказать. Довольно «зауми». «Король-то ведь голый!» В. Р<ожде- ственский>.

Взирь-заумь — все для себя — эти строки непонятны ни при каком под- ходе — так потешаться может всякий — Союз тут не при чем. Н. Т<ихонов>. ²⁴

Отрицательный вердикт — «отклонить» — занесен в журнал прием- ной комиссии. ²⁵ Несмотря на такое решение, Хармс продолжал бывать в Союзе, пытался участвовать в его деятельности и не оставлял намере- ния «объединить самых левых». ²⁶

Возможно, неприятие заумников в Союзе послужило одним из импульсов (наряду с внутренними противоречиями) предпринятой в начале ноября 1925 г. по инициативе Введенского и Хармса реоргани- зации унитарного «Ордена» в объединение «Левый фланг»: А. Туфанов (заумь), Д. Хармс (взирь-заумь), А. Введенский (авторитет бессмы- слицы), Б. Черный (конструктивист), И. Марков (экспрессионист- речевок), Е. Вигилянский (экспрессионист), К. Соловьев, Г. Богаевский. ²⁷ Федеративный характер нового объединения позволял выйти за рамки кружковой работы и получить некий официальный статус, в частно- сти — секции Союза поэтов. Хармс был в этом, несомненно, заинтере- сован. Однако заявление об учреждении секции, составленное в декабре 1925 г. Туфановым, Хармсом и Марковым, ²⁸ не было подано в Союз, и секция не была создана. Очевидно, произошло это вследствие оче- редных разногласий Введенского и Хармса с Туфановым и их выхода в конце января 1926 г. из объединения. ²⁹

Укажем и на сопутствующие причины, которые могли воспрепятство- вать подаче заявления в январе 1926 г., до распада объединения. Из всех членов «Левого фланга» в Союзе состояли лишь Туфанов и Введенский. Вопрос о приеме Хармса, Вигилянского и Маркова, подававшего заяв- ление в конце 1925 г., не был решен, и понятно, что о создании секции из двух членов Союза не могло быть и речи. К тому же параллельно с участием в «Левом фланге» «чинари» пытались найти единомышлен- ников среди «левого» крыла Союза. В конце 1925—начале 1926 г. сложи- лось их творческое сотрудничество с имажинистами; в январе 1926 г.

---

²⁴ РО ИРЛИ, ф. 754. Коллекция. Альбом XI, № 26. Отзывы написаны на отдельном листе.

²⁵ Там же, № 27, л. 5 об.

²⁶ Из дневниковой записи в ноябре 1925 г.: *Хармс Д.* Полн. собр. соч. Записные книжки. Дневник: В 2 кн. / Подгот. текста Ж.-Ф. Жаккара и В. Н. Сажина; Вступ. статья и примеч. В. Н. Сажина. СПб., 2002. Кн. 1. С. 65.

²⁷ *Черный Борис Константинович* (1904—?) — поэт, критик, литературовед. В 1922–1925 гг. — секретарь Московского цеха поэтов. В описываемый период — студент ЛГУ, с сентября 1926 г. — МГУ. *Марков Игорь Иосифович (Осипович)* (1901–1982?) — студент Горного института, поэт-любитель, впоследствии — геолог, гидрогеолог. *Соловьев Константин Константинович* (1902—?) — инженер, поэт-любитель. *Богаевский Георгий Леонидович* — поэт-любитель.

²⁸ Опубл.: *Кукушкина Т. А.* Всероссийский союз поэтов. Ленинградское отделение (1924–1929). Обзор деятельности. С. 108; К истории «Левого фланга» ленинградского отделения Союза поэтов. С. 178.

²⁹ См. об этом: К истории «Левого фланга» ленинградского отделения Союза поэ- тов. С. 186.

планировался выпуск совместного сборника «Положа руку на сердце», в котором участвовал и В. Эрлих, незадолго до этого негативно оценивший творчество Хармса.

В конце января—начале февраля 1926 г. Введенский и Хармс (еще не член Союза) намеревались выступить на вечере памяти Есенина, организованном Союзом писателей и Союзом поэтов, но правление Союза поэтов отклонило представленные ими произведения «как не отвечающие теме вечера». ³⁰ Примечательно, что в тот же день (5 февр.) Туфанов и Марков обратились от имени «Левого фланга» к председателю Союза писателей Сологубу с жалобой на то, что «левых» поэтов не допустили к участию в вечере. ³¹

С момента рассмотрения приемной комиссией произведений Хармса (16 окт. 1925 г.) до обсуждения его кандидатуры на заседаниях правления прошло несколько месяцев. Причина задержки объясняется неопределенностью положения ленинградского отделения Союза поэтов. Осенью 1925 г. его руководство собиралось упразднить отделение и в полном составе войти в ленинградский Союз писателей в качестве секции. Переговоры о процедуре вступления продолжались до весны 1926 г., но организации так и не пришли к согласию. Намерение Союза поэтов войти в Союз писателей *in corpore* не получило поддержки правления Союза писателей, настаивавшего на индивидуальном приеме в соответствии с уставом Союза писателей. В течение этого периода прием в Союз поэтов был временно приостановлен, и накопилось около 30 заявлений. Все они были рассмотрены 26 марта 1926 г. в присутствии И. Садофьева, Н. Тихонова, Г. Сорокина, М. Фромана, В. Рождественского, Н. Брауна, Е. Полонской, А. Крайского, Г. Фиша. В тот день в Союзе были утверждены В. Мезьер, И. Синельников, И. Корженевская, Е. Рысс, Л. Аверьянова. Двенадцать человек, в том числе Е. Вигилянский, получили отказ. Хармсу и еще нескольким претендентам, имевшим отрицательный отзыв комиссии, правление предложило «представить новый материал». ³²

В архиве Союза поэтов наряду с упоминавшимися двумя ученическими тетрадями произведений Хармса сохранились автографы пяти стихотворений, датированных январем—февралем 1926 г. и написанных в несколько ином поэтическом ключе, свидетельствующем о постепенном отходе от зауми: «Полька затылки (срыв)», «Вьюшка смерть», «Ваньки встаньки» [1], «Ваньки встаньки» [2], «Половинки». ³³ Они и были представлены в приемную комиссию как дополнительный материал, что подтверждается припиской неустановленного лица на листе со стихотворением «Полька затылки»: «Хармс. Вторично». Новые отзывы двух членов комиссии, относящиеся, вероятно,

³⁰ Из протокола заседания № 30 / 8 от 5 февр. 1926 г.: РО ИРЛИ, ф. 291, оп. 2, № 15, л. 1. Вечер состоялся 8 февр. в помещении Академической капеллы.

³¹ Заявление опубл.: К истории «Левого фланга» ленинградского отделения Союза поэтов. С. 206. В Союзе писателей оно было зарегистрировано 16 февр., когда вечер уже состоялся, и на заседании правления не рассматривалось.

³² Протокол заседания правления № 33 / 11: РО ИРЛИ, ф. 291, оп. 2, № 15, л. 5.

³³ Там же, № 121, л. 28–41. Впервые опубл.: *Jaccard J.-Ph., Устинов А.* Заумник Даниил Хармс: Начало пути. С. 197–212.

к апрелю—началу мая 1926 г., записаны на обороте листа со стихотворением «Ваньки встаньки» [1]:

Поставить на совещание. Н. Т<ихонов>;

Не следует ставить на совещание. Лишняя проволочка. У Хармса есть настойчивость поэтическая. Если это пока не стихи, то все же в них имеются элементы настоящие. Кроме того, Хармс около года читает на открытых собраниях Союза. Принять. К. В<агинов>. ³⁴

Судя по категоричной резолюции Вагинова, к весне 1926 г. Хармс был не только хорошо известен в организации, но и неоднократно участвовал в литературных вечерах. При повторном обсуждении, 14 мая 1926 г., он был утвержден членом Союза поэтов. ³⁵ Одновременно был принят будущий обзриут Н. Заболоцкий; И. Марков, член «Левого фланга», получил отказ. Постановления правления от 26 марта и 14 мая без указания даты и номера протокола занесены в журнал приемной комиссии: «просить нов<ый> мат<ериал>; принять». ³⁶ Дата вступления Хармса — 26 марта 1926 г. — ошибочно указана секретарем Союза на его анкете от 9 окт. 1925 г.

В Союзе поэтов

В коллективных сборниках Союза «Собрание стихотворений» (Л., 1926) и «Костер» (Л., 1927) состоялись единственные прижизненные публикации двух «взрослых» произведений Введенского и Хармса. Судя по записям в протоколах правления, их участие в первом сборнике не вызвало возражений руководства Союза; причем стихотворение Хармса было принято к печати до его утверждения в организации. Перечень стихотворений, предложенных им в сборник, указан в его записной книжке в конце февраля 1926 г.; ³⁷ 6 марта правление впервые обсуждало вопрос о сборнике, а 19 мая секретарь правления М. Фроман уже докладывал общему собранию о его выходе. ³⁸

Произведения для второго сборника отбирались гораздо строже. В начале февраля 1927 г. редколлегия (М. Фроман, В. Эрлих, Н. Браун, Г. Сорокин) отклонила произведения 20 членов Союза, в том числе — Л. Аверьяновой, И. Афанасьева-Соловьева, А. Введенского, С. Полоцкого, Л. Рогинского, А. Туфанова, Г. Шмерельсона. ³⁹ Видимо, это вызвало недовольство в Союзе, и вопрос о сборнике обсуждался на специальном закрытом собрании 1 марта, проходившем, как отмечал П. Лукницкий, «в бурных прениях». ⁴⁰ Хармс и Введенский принимали в них участие. Лишь в конце апреля был

³⁴ РО ИРЛИ, ф. 291, оп. 2, № 121, л. 34 об. Опубл.: *Jaccard J.-Ph., Устинов А.* Заумник Даниил Хармс: Начало пути. S. 169.

³⁵ Протокол заседания правления № 35 / 13: РО ИРЛИ, ф. 291, оп. 2, № 15, л. 7.

³⁶ РО ИРЛИ, ф. 754. Коллекция. Альбом XI, № 27, л. 5 об.

³⁷ Хармс Д. Полн. собр. соч. Записные книжки. Дневник. Кн. 1. С. 136.

³⁸ РО ИРЛИ, ф. 291, оп. 2, № 15, л. 2; № 12, л. 42.

³⁹ Протокол заседания правления № 45 / 10 от 12 февр. 1927 г.: Там же, № 15, л. 19.

⁴⁰ «Афиши и сведения о собраниях»: РО ИРЛИ, ф. 172, № 1690, л. 49.

утвержден окончательный состав сборника, включавший и стихотворение Введенского.⁴¹

Хотя ко времени официального приема Хармса в Союз поэтов «Левый фланг» прекратил свою деятельность, Туфанов, Введенский и Хармс в Союзе продолжали выступать вместе, используя порой и марку объединения. Сразу после утверждения Хармса они попытались упрочить свое положение в организации и войти в состав правления или ревизионной комиссии, члены которой имели право присутствовать на заседаниях правления и контролировать его работу. Туфанов возглавлял ревизионную комиссию в 1924–1925 гг. На перевыборном собрании 19 мая 1926 г. в дополнение к подготовленному списку нового правления были предложены еще несколько кандидатур, в том числе — Туфанов и Введенский (кандидатом в правление). Из 38 членов Союза, присутствовавших на собрании, Туфанова поддерживали 6 человек, Введенского — 5. В ходе собрания все трое были включены в дополнительный список ревизионной комиссии, но и эта попытка не имела успеха. Туфанов получил 6 голосов, Введенский и Хармс — по 4.⁴² Нужно также иметь в виду, что при голосовании они, скорее всего, поддерживали друг друга.

Обстоятельства вступления и результаты выборов показывают, что направление творческих поисков Введенского и Хармса с самого начала воспринималось в Союзе как чуждое. Не случайно уже в апреле 1926 г. они пытаются найти единомышленников в других литературных кругах, посылают Пастернаку свои произведения и называют себя «единственными левыми поэтами Петрограда», не имеющими «возможности здесь печататься».⁴³ В мае этого года состоялось знакомство «чинарей» с Н. Заболоцким; осенью сложилось сотрудничество с театральной группой Государственного института истории искусств (ГИИИ) «Радикс» (И. Бахтерев, Б. Левин, С. Цимбал, Г. Кацман)⁴⁴ и совместная работа над постановкой пьесы Введенского и Хармса «Моя мама вся в часах». С возникновением в конце 1926 г. на основе «Радикса» нового «Левого фланга» (без Туфанова) Хармс и Введенский переключаются на творческую работу в этом объединении, планируют создание единого союза левого искусства Ленинграда во главе с К. Малевичем. Очевидно, новые замыслы послужили причиной отказа от совместного с Туфановым выступления на вечере Союза поэтов в декабре 1926 г. Подписав первоначально заявление об устройстве вечера карандашом (см. с. 577), Хармс и Введенский отозвали свои подписи; они заштрихованы также карандашом. В результате правление включило «в календарь пятниц» только выступление Туфанова.⁴⁵

⁴¹ Протокол заседания правления № 49 / 1 от 26 апр. 1927 г.: РО ИРЛИ, ф. 291, оп. 2, № 15, л. 28.

⁴² Протокол общего собрания: Там же. № 12. Л. 36, 38 об, 39 об.

⁴³ Введенский А. Полн. собр. соч. Т. 2. С. 227.

⁴⁴ Бахтерев Игорь Владимирович (1908–1996) — поэт, драматург, прозаик, художник. Левин Борис (Дойвбер) Михайлович (1904–1941) — прозаик. Цимбал Сергей Львович (1907–1978) — театральный критик. Кацман Георгий Николаевич (1908–1985) — режиссер, в 1950-е гг. — главный режиссер Магаданского театра драмы.

⁴⁵ Протокол заседания правления № 42 / 7 от 24 дек. 1926 г.: РО ИРЛИ, ф. 291, оп. 2, № 15, л. 16.

Персональные выступления «чинарей» в Союзе поэтов вообще нельзя назвать частыми. В 1926 г. они читали стихи на литературной «пятнице» Союза лишь один раз, 12 нояб.⁴⁶ Из дневниковых записей Хармса известно, что к этому выступлению он собирался привлечь членов «Радикса». «Сию пятницу 12 ноября хочу обставить боевыми положениями, из коих суть следующие. После нашей читки выйдет Игорь Бахтерев и скажет бессмысленную речь, приводя цитаты из неизвестных поэтов, и т. д. Потом выйдет Цимбал и также произнесет речь, но с марксистским уклоном. В этой речи он будет защищать нас, оправдывая наши произведения в глазах различной сволочи. Наконец, две неизвестные личности, взявшись за руки, подойдут к столу и заявят: по поводу прочитанного мы не многое сказать сможем, но мы споем. И они что-нибудь споют. Последним выйдет Гага Кацман и расскажет кое-что из жизни святых. Это будет хорошо».⁴⁷ В Союзе негативно реагировали на театрализованные представления, которые практиковали «чинари», и замысел этот вряд ли был осуществлен. В программе вечера, утвержденной правлением, указаны А. Крайский, В. Ричиотти, Н. Вагнер, Н. Браун, А. Введенский и Д. Хармс.⁴⁸ Предположить ее самовольное изменение затруднительно, так как в этот период литературные вечера проходили под строгим контролем, а тексты выступлений гостей заблаговременно просматривались руководством Союза.

11 дек. 1926 г. Хармс читал стихи на выездном вечере Союза в 59-м стрелковом полку; запланированное выступление Введенского (по неизвестной причине) не состоялось. В 1927 г. Введенский участвовал в закрытых и открытых литературных вечерах Союза в Доме печати 18 февр. и 15 марта; Хармс — 18 февр. (участвовал и Заболоцкий), 4 марта, 2 дек.

Взаимопонимание с членами Союза явно не складывалось, что подтверждает и сам Хармс, упоминая в дневниковой записи о необходимости защищать и оправдывать новаторскую практику «левых». Не случайно весной 1927 г. он планирует создание секции «Академии левых классиков» (так с марта 1927 г. назывался «Левый фланг») не в Союзе поэтов, а в Доме печати.⁴⁹ В рамках Союза не состоялось ни одно из многочисленных выступлений, устраиваемых «Левым флангом» в 1927 г. «Читали в клубах, Домах культуры, библиотеках,

---

⁴⁶ Информация о литературных выступлениях приведена в: *Крусанов А. В.* 1) Хроника жизни и творчества Даниила Хармса // *Хармс Д. Случаи и вещи* / Сост. и примеч. А. Дмитренко и В. Эрля; Подгот. текстов В. Эрля. СПб., 2004. С. 413–482; 2) Хроника жизни и творчества Александра Введенского // *Поэт Александр Введенский: Сборник материалов*. [По материалам конференции «Александр Введенский в контексте мирового авангарда» 23–25 сентября 2004 г. на филологическом факультете Белградского университета]. Белград; М., 2006. С. 399–428. В примечаниях к нашей статье указаны источники сведений о неизвестных ранее выступлениях «чинарей».

⁴⁷ *Хармс Д.* Полн. собр. соч. Записные книжки. Дневник. Кн. 1. С. 95.

⁴⁸ Протокол заседания правления № 39 / 4 от 5 нояб. 1926 г.: РО ИРЛИ, ф. 291, оп. 2, № 15, л. 11. Вероятно, к этому вечеру относится упоминание в записной книжке Хармса стихотворений Крайского «Пузырьки» и «Паутина»: *Хармс Д.* Полн. собр. соч. Записные книжки. Дневник. Кн. 1. С. 63.

⁴⁹ *Хармс Д.* Полн. собр. соч. Записные книжки. Дневник. Кн. 1. С. 147.

концертных залах, подгоняемые необъяснимой силой, возможно — биологической потребностью с большим числом людей поделиться своими литературными созданиями. <...> Редкая неделя обходилась без выступления», — вспоминал И. Бахтерев.⁵⁰

Несмотря на явное снижение интереса к официальной организации, в 1927 г. Хармс и Введенский вновь попытались войти в правление. О значении, которое Хармс придавал этому событию, свидетельствуют его дневниковые записи. В них зафиксирован намеченный им состав правления (Заболоцкий, Введенский, Садофьев, Туфанов, Рождественский) и кандидатов в правление (Тихонов, Браун, Фроман; как вариант — Тихонов, Крайский, Фроман).⁵¹ Примечательно, что Хармс включает в список Туфанова, усиливая тем самым «левое» крыло правления. Внимание Хармса к очередным выборам объясняется, вероятно, предполагаемым изменением статуса ленинградского Союза поэтов. В 1926—1927 гг. литературные организации переживали процесс консолидации писательских сил в единой Федерации объединений советских писателей, и ленинградский Союз поэтов рассчитывал войти в число ее учредителей. В связи с этим руководство Союза собиралось преобразовать ленинградское отделение в Северо-западный Союз поэтов на автономных, не связанных с московским Союзом, началах. Реорганизацию должно было провести новое правление, в состав которого и намеревались войти «чинари».

В ходе собрания 17 апр. 1927 г. в дополнительный список правления была внесена группа «левых»: Хармс, Введенский, Туфанов. Хармс получил 10 голосов (из 42), Введенский — 9, Туфанов — 3. Не вошли они и в состав ревизионной комиссии, набрав, соответственно, по 10, 12 и 7 голосов; Заболоцкий, также избиравшийся в ревизионную комиссию, — 4.⁵² В правление были избраны Н. Тихонов, сменивший И. Садофьева на посту председателя Союза, А. Крайский, М. Фроман, Н. Браун, В. Эрлих; кандидаты — Г. Сорокин, В. Ричиотти, Б. Соловьев; в ревизионную комиссию — Инн. Оксенов, В. Рождественский, Е. Полонская. Результаты выборов, как все важные события, указаны Хармсом в записной книжке.⁵³ Как и год назад, крайне «левая» часть Союза априори не имела шанса войти в руководство литературной организации, направлявшей свою деятельность по строго официальному руслу. По свидетельству поэта И. Синельникова, в Союзе «всерьез этих поэтов не воспринимали».⁵⁴

К тому же 15 апр., за два дня до перевыборного собрания, Хармс получил выговор, единственный за всю историю Союза. Выговор был объявлен в связи с инцидентом на вечере «Академии левых классиков» в литературном кружке Высших курсов искусствоведения при

⁵⁰ *Бахтерев И.* Когда мы были молодыми (Невыдуманный рассказ) // Воспоминания о Н. Заболоцком. М., 1984. С. 83.

⁵¹ *Хармс Д.* Полн. собр. соч. Записные книжки. Дневник. Кн. 1. С. 147—148.

⁵² Протокол общего собрания: РО ИРЛИ, ф. 291, оп. 2, № 12, л. 45 об.

⁵³ *Хармс Д.* Полн. собр. соч. Записные книжки. Дневник. Кн. 1. С. 163.

⁵⁴ *Синельников И.* Молодой Заболоцкий // Воспоминания о Н. Заболоцком. М., 1984. С. 107.

ГИИИ. Неприязненный настрой и поведение аудитории побудили Хармса заявить, что он «ни в конюшнях, ни в бардаках не выступает», и покинуть вечер. Группа возмущенных студентов опубликовала заметку в газете «Смена»⁵⁵ и обратилась в правление Союза поэтов с требованием его исключения (см. с. 577–578).

Несмотря на убедительные объяснения «чинарей» (см. с. 578–579), правление заняло двойственную позицию. Поскольку Хармс выступал как частное лицо, правление сочло обсуждение его поступка вне компетенции Союза. В то же время ему был объявлен выговор с предупреждением, «что член Союза поэтов во всех своих поступках несет моральную ответственность за них и перед Союзом поэтов».⁵⁶ Правда, правление собиралось дать в «Смене» некое разъяснение по поводу статьи, но новое руководство Союза отказалось от задуманной публикации и подтвердило выговор.⁵⁷

С возникновением в конце 1927 г. группы ОБЭРИУ (Хармс, Введенский, Заболоцкий, Бахтерев, Левин, Вагинов и др.), получившей официальный статус секции Дома печати, сотрудничеством Хармса и Введенского в детском секторе Госиздата и журнале «Еж», оба поэта отдаляются от участия в жизни Союза поэтов. Сведений о деятельности группы ОБЭРИУ в рамках Союза в архиве нет. После неудавшихся выборов в правление весной 1927 г. они не бывают на ежегодных отчетно-перевыборных собраниях, редко выступают на литературных «пятницах». Интересно, однако, отметить их присутствие на закрытом собрании 21 окт. 1927 г., посвященном организационной структуре и дальнейшей деятельности Союза. В 1928 г. Хармс читал стихи на закрытом вечере Союза в Доме печати лишь однажды, 15 дек.⁵⁸ Вероятно, последнее выступление Хармса на литературной «пятнице» состоялось 25 янв. 1929 г., Введенского — 24 мая. Туфанов продолжал выдвигаться в правление и ревизионную комиссию в 1928 г., но, как и прежде, — безрезультатно. Впоследствии крайне «левых», разрушавших картину творческого единения поэтов нового поколения, в Союзе старались не замечать. Правда, их все же упоминали в юбилейной статье, посвященной пятилетию организации, назвав заумниками, которые «понемногу дифференцируются в различных направлениях».⁵⁹

⁵⁵ *Июffe Н., Железнов Л.* Дела литературные... (О «Чинарях») // *Смена*. 1927. 3 апр. № 76. С. 1. Этот эпизод изложен во многих исследованиях, посвященных творчеству Хармса, в частности: *Хармс Д.* Полет в небеса: Стихи. Проза. Драммы. Письма / Вступ. статья, сост., подгот. текста и примеч. А. А. Александрова. Л., 1988. С. 542–543; *Jaccard J.-Ph., Устинов А.* «Заумник Даниил Хармс: Начало пути». S. 169–170; *Дневниковые записи Даниила Хармса*. С. 541; *Введенский А.* Полн. собр. произведений. Т. 1. С. 28; *Хармс Д.* Полн. собр. соч. Т. 1. С. 10.

⁵⁶ Из протокола заседания правления № 48 / 13 от 15 апр. 1927 г.: РО ИРЛИ, ф. 291, оп. 2, № 15, л. 27.

⁵⁷ Протокол заседания правления № 50 / 2 от 10 мая 1927 г.: Там же, л. 29.

⁵⁸ Протокол заседания правления № 65 / 8 от 11 дек. 1928 г.: Там же, № 16, л. 13. Отметим также, что 25 дек. 1928 г. оба поэта участвовали в открытом литературном вечере в Доме печати, устроенном Литфондом. См. «Отчет о деятельности ЛО Всероссийского союза поэтов за время с 1-го января 1928 г. по 1-е января 1929 г.»: Там же, № 13, л. 26.

⁵⁹ *Фроман М., Оксенов Инн.* Пять лет Ленинградского Союза поэтов // *Жизнь искусства*. 1929. № 15. 7 апр. С. 7.

Исключение из Союза поэтов

Весной 1929 г., после XVI Всесоюзной конференции ВКП(б), провозгласившей курс на социалистическую перестройку всей жизни в стране, в организациях и учреждениях началось планомерное вытеснение «чужеродных элементов». В апреле 1929 г. Хармс и Введенский были исключены из Литературного фонда.⁶⁰ В сентябре последовало исключение из Союза поэтов.

Этот факт привычно трактуется как исключение по идеологическим мотивам. Не подвергая сомнению это справедливое суждение, заметим все же, что, несмотря на достаточно жесткую зависимость культурной жизни России послереволюционного периода от политической ситуации, сведение некоторых литературных событий только к причинам идеологическим было бы некоторой натяжкой. Переплетение жизненных обстоятельств нередко разрушало все причинно-следственные связи. Попытаемся документально восстановить ход событий.

В сентябре 1929 г. в двух ленинградских писательских организациях произошли события, коренным образом изменившие их дальнейшую судьбу. В результате разгромной кампании, известной как «дело Пильняка и Замятина», «попутнический» Всероссийский союз писателей был реорганизован и переименован во Всероссийский союз *советских* писателей. Новая общественно-политическая платформа Союза писателей обозначила переход организации к «союзничеству» и полной «коллективизации» всей писательской жизни. 30 сент. правление ленинградского Союза поэтов, и прежде стремившееся отмежеваться от «безыдейного» московского Союза, приняло решение о вхождении *in corpore* в реформированный Союз писателей. В тот же день в Союзе поэтов состоялась последняя перерегистрация, в результате которой Хармс, Введенский, И. Васильев, Я. Годин, Г. Петников, Е. Рысс, М. Шеффер, З. Штейнман, С. Н. Марков, О. Мандельштам были исключены «ввиду продолжающейся неуплаты членских взносов и непогашения старой задолженности по ним».⁶¹ При этом правление ссылалось на решение общего собрания от 10 марта 1929 г.

Постановление об исключении имеет свою предысторию. Перерегистрация не была для Союза поэтов явлением чрезвычайным, проводилась ежегодно и — невзирая на лица. В 1926–1927 гг. за неактивность и неуплату взносов выбыли пролетарские поэты, члены первого правления Союза П. А. Арский и А. И. Маширов-Самобытник. Вопрос о членских взносах всегда был «болевым» для организации, и правление неоднократно прибегало к жестким мерам, но ситуация оставалась прежней. В списке должников на 1 марта 1929 г. числилось 62 человека, в том числе — Введенский и Хармс. Сумма общей задолженности по Союзу составила 296 руб. 50 коп.; Введенского, не платившего

⁶⁰ Одновременно с ними выбыли М. Кузмин, О. Мандельштам, П. Медведев, Е. Панфилов, Г. Сорокин, А. Тверяк, М. Фроман, В. Эрлих. См. список членов ЛО Литфонда, исключенных в результате перерегистрации: РО ИРЛИ, ф. 291, оп. 2, № 136.

⁶¹ Из протокола заседания правления № 76 / 8: Там же, № 16, л. 24. Публ.: *Jaccard J.-Ph., Устинов А.* Заумник Даниил Хармс: Начало пути. S. 170–171. Исключение Маркова и Мандельштама объяснялось также их переездом в Москву.

взносы с 1927 г., — 7 руб. 50 коп.; Хармса, не платившего с 1928 г., — 4 руб. 50 коп. (при годовом взносе в 3 руб.).⁶²

Проблема взносов обсуждалась на очередном общем собрании Союза 10 марта 1929 г., на котором и было решено механически исключить всех, не погасивших задолженность в течение месяца. Конкретные имена не назывались, и вошедшая в научный оборот дата исключения Хармса и Введенского — 10 марта 1929 г. — не точна. В сентябре, в связи с присоединением к Союзу писателей, правление просто использовало это «удобное» решение для устранения из организации творческого «балласта». После собрания членам Союза были разосланы информационные письма, и отсутствовавшие Введенский и Хармс не могли об этом не знать. Установленный срок погашения (25 апр.) был продлен до 1 июля. В марте–апреле касса Союза пополнилась значительной суммой взносов, о чем свидетельствуют корешки квитанций. Среди них нет квитанций на имя Хармса и Введенского. Предположить их утрату невозможно, поскольку корешки квитанций представляют собой книжку, сброшюрованную и пронумерованную в типографии. Не воспользовались они и отсрочкой платежей, как это сделали многие члены Союза. Хотя оба поэта испытывали существенные финансовые затруднения, вряд ли это обстоятельство можно считать основной причиной неуплаты.

К 1929 г. Союз поэтов мало напоминал организацию первых лет существования с ее открытостью всем литературным направлениям, диспутами и спорами. Живой литературный процесс постепенно подменялся статистикой выступлений на вечерах; обсуждение литературных проблем все более переносилось в сферу неформальных кружков и групп. О состоянии дел в организации свидетельствует, в частности, секретарь правления Лукницкий: «Союз Поэтов существует только на бумаге, но его мы пытаемся, все же, оживить».⁶³ Поэтесса А. А. Иванова характеризует Союз как «стоячее болото», «сборище, бесхарактерное, потому что оно многочисленное и мало чем спаянное», а союзные вечера — как «безалаберно безразличные».⁶⁴ Принципиальная невозможность реализации новаторских замыслов в рамках Союза послужила причиной отказа Хармса и Введенского от участия в нем задолго до исключения. Их подлинные интересы, поиск собственного пути не совпадали с общим курсом развития литературы. Выбор между членством в официальной структуре и творческой работой в кругу единомышленников, «в стороне от главных дорог новой жизни»,⁶⁵ был осознанным. Нетрудно заметить, что в этом конкретном случае причины чисто литературного, да и просто формального характера, совпали с причинами идеологическими.

На рубеже 1920–1930-х гг. исключение из литературной организации означало и вытеснение из литературного процесса, как это произошло с Замятиным. Однако это событие не повлияло сколь-нибудь

⁶² «Материалы по уплате членских взносов...»: РО ИРЛИ, ф. 291, оп. 2, № 40, л. 83.

⁶³ Из письма И. М. Басалаеву от 6 окт. 1928 г.: ОР РНБ, ф. 1076, № 297, л. 4 об.

⁶⁴ Из письма Л. И. Аверьяновой от 28 окт. 1928 г.: *Кужушкина Т. А.* Всероссийский союз поэтов. Ленинградское отделение (1924–1929). Обзор деятельности. С. 114–115.

⁶⁵ Дневниковые записи Даниила Хармса. С. 420.

трагически на творческую и личную судьбу Хармса и Введенского.⁶⁶ Подобная ситуация объясняется характером исключения. Решение принималось на низовом уровне, руководством Союза поэтов, и не сопровождалось серьезной «проработочной» кампанией⁶⁷ и указаниями сверху, что позволило Хармсу и Введенскому через месяц вступить в ленинградский Союз писателей.

В Союзе писателей

19 окт. 1929 г., в день официального вхождения Союза поэтов в состав Союза писателей, Хармс и Введенский заполнили вступительные анкеты Союза писателей (см. с. 580–582) и 28 окт. были утверждены в Союзе;⁶⁸ вошли в секцию детской художественной литературы. Введенский пробовал вступить в Союз писателей еще в феврале 1926 г., заполнил анкету (см. с. 582–583), но не был принят «за недостаточностью стажа». Отметим также, что Туфанов был членом Союза писателей с августа 1923 г.; Заболоцкий вошел в Союз писателей в составе Союза поэтов.

В детской секции Союза писателей оба поэта оказались в кругу друзей и единомышленников. Возглавляла секцию Т. А. Богданович; в ее состав входили многие участники журнала «Еж» и детского сектора Госиздата: С. Маршак, Е. Шварц, Н. Олейников, Е. Данько, Е. Верейская (заместитель председателя бюро), Т. Габбе (секретарь бюро), В. Бианки, И. Рахтанов. По сути, это был своего рода филиал детского сектора ГИЗа и «школы Маршака». Даниил Хармс с самого начала включился в работу секции; в первых числах ноября 1929 г. он участвовал в субботнем показательном вечере секции,⁶⁹ в конце месяца — в выездном детском утреннике на Балтийском заводе,⁷⁰ 30 нояб. выступал на вечере детской секции в Союзе писателей.⁷¹

Введенский, не уплативший вступительный взнос, менее чем через месяц после приема был вычеркнут из списков Союза, но в декабре восстановлен.⁷² Известно, по крайней мере, о трех его выступлениях (вместе с Хармсом) с чтением стихов на вечерах детской секции в Союзе писателей: 18 дек. 1929 г., 15 февр. и 19 марта 1930 г.

---

⁶⁶ Как справедливо отмечает В. Н. Сажин, продолжились их литературные выступления, сотрудничество в детских журналах, в Госиздате большими тиражами выходили детские книги (*Хармс Д.* Полн. собр. соч. Т. 1. С. 13).

⁶⁷ Известная своей едкостью заметка Л. Лесной о вечере обэриутов «Три левых часа» (Красная газета. Веч. вып. 1928. 25 янв. № 24. С. 2) и упомянутая выше жалоба студентов ГИИИ еще не содержали политических обвинений.

⁶⁸ Протокол заседания правления № 2: РО ИРЛИ, ф. 291, оп. 1, № 25, л. 24.

⁶⁹ Протокол заседания бюро секции № 12 от 1 нояб. 1929 г.: Там же, № 577, л. 2 об. Планировалось также участие С. Маршака, Е. Чарушина, И. Рахтанова, Н. Олейникова, Л. Будагосской.

⁷⁰ Там же, № 577, л. 4 об.; план работы секции на ноябрь–декабрь 1929 г.: Там же, № 578, л. 3. Намечалось также выступление К. Чуковского, Е. Верейской.

⁷¹ В программе вечера указаны Маршак, Рахтанов, Будагосская, Хармс: Там же, № 580, л. 3.

⁷² О его исключении см. примеч. 13 к анкете от 19 окт. 1929 г. Запись о восстановлении см. в «Книге уплаты членских взносов с января 1928–по август 1931 гг.»: РО ИРЛИ, ф. 291, оп. 1, № 214, л. 14 об.

Конец 1920-х гг. ознаменовался кампанией за идеологизацию детской литературы, инициированной постановлением ЦК ВКП (б) «О мероприятиях по улучшению детской и юношеской книги» от 23 апр. 1928 г. и решениями партийной конференции по детской литературе, состоявшейся 3 дек. 1929 г. В развернувшейся в прессе дискуссии⁷³ уничтожающей критике подверглась ленинградская школа детской литературы, в частности — детский сектор ГИЗа, творчество Маршака, К. Чуковского, Введенского и Хармса. Особой жесткостью отличалась тенденциозная статья критика Д. Кальма «Против халтуры в детской литературе», обвинившего детский отдел ГИЗа в культивировании «бессмыслинки» и выпуске чудовищных книг «вроде „Во-первых“ Хармса, которые ни по формальным признакам, ни тем более по своему содержанию ни в какой мере неприемлемы».⁷⁴

Нужно отдать должное смелости ленинградских писателей, только что переживших разгром Союза и выступивших в защиту детской литературы, в сущности — против линии партии. В «Письме детской секции Ленинградского отдела ВСП», опубликованном в «Литературной газете», критические выпады Д. Кальма были расценены как травля детских писателей и детского сектора ленинградского ГИЗа, «подлинной школы художественного мастерства».⁷⁵ В числе 35 членов Союза «Письмо» подписали Введенский, Хармс и Заболоцкий. Оно отражало и позицию руководства организации, утвердившего его как постановление правления и также поставившего свою подпись.⁷⁶ Официальный протест Союза поддержала и группа писателей: К. Федин, М. Козаков, В. Каверин, Б. Лавренев, Л. Пантелеев, Ю. Тынянов, М. Слонимский, Г. Белых, В. Бианки, Б. Житков, Н. Тихонов, М. Зощенко, Б. Пастернак. Их заметка «Против лжи и клеветы» была помещена в «Литературной газете» одновременно с «Письмом детской секции».⁷⁷

По инициативе Т. А. Богданович правление пыталось возбудить перед исполнительным бюро (исполбюро) ФОСП вопрос о позиции «Литературной газеты», опубликовавшей протест Союза с задержкой и одновременно с контраргументами Д. Кальма, о ее праве именовать органом ФОСП. Соответствующее письмо в московское исполбюро ФОСП было отправлено 6 янв. 1930 г.; ответ на него неизвестен. Пожалуй, это было последнее открытое выступление ленинградского Союза

⁷³ См.: Путилова Е. О. Очерки по истории критики советской детской литературы. 1917–1941. М., 1982. С. 44–65; Устинов А. Б. Дело детского сектора Госиздата. Предварительная справка // Михаил Кузмин и русская культура XX века: Тезисы и материалы конференции 15–17 мая 1990 г. / Сост. и ред. Г. А. Морев. Л., 1990. С. 125–136.

⁷⁴ Литературная газета. 1929. 16 дек. № 35. С. 2. Упомянута книжка Хармса «Во-первых и во-вторых» (М.; Л., 1929).

⁷⁵ Там же. 30 дек. № 37. С. 2. В машинописной копии «Письма» есть некоторые различия с опубликованным текстом: РО ИРЛИ, ф. 291, оп. 1, № 166, л. 1–2.

⁷⁶ Протокол заседания правления № 6 от 24 дек. 1929 г.: Там же, № 25, л. 36–37. Сохранилась копия телеграммы правления в «Литературную газету» с информацией об этом решении: Там же, № 166, л. 3.

⁷⁷ Пролетарская общественность осудила единодушное выступление «попутчиков» как оппозицию, бойкотирующую разрешение поставленных партией вопросов. См.: Коротков Г. Снова о детской литературе // Красная газета. Веч. вып. 1930. 17 янв. № 15. С. 4.

писателей, не совпадающее с общепартийными установками. В начале 1930-х гг. изменилась вся структура жизни и взаимоотношений в организации, постепенно превращавшейся в «подручную партии». Участие в официальных кампаниях стало неотъемлемой составляющей «перестроечной» деятельности.

Кампания конца 1929—начала 1930 г., благодаря вмешательству Горького, не имела серьезных последствий для писателей, но положила начало разгрому прежней детской литературы, школы Маршака и детского сектора ленинградского Госиздата, завершившемуся в 1937 г.⁷⁸

Одним из основных этапов перестройки Союза писателей являлась перерегистрация, «чистка» от «пассивной оппозиции» и реакционной части Союза. В конце 1929 г., когда изгнание из литературных организаций еще не стало нормой жизни, Введенский и Хармс благополучно прошли перерегистрацию в детской секции Союза.⁷⁹ Бюро секции вплоть до конца существования Союза занимало активную позицию и пыталось отстаивать права детских писателей. Т. А. Богданович неоднократно обращалась в правление и комиссию по перерегистрации с просьбой о пересмотре решений в отношении многих членов секции, в частности, Л. А. Чарской. «Литературные права Чарской неоспоримы, — доказывала Богданович. — Как бы ни относиться к ее литературной продукции, во всяком случае, для целых поколений детей она была любимой писательницей. Вопрос о творчестве Чарской, о тех приемах, которыми она так завладевает читателями, в настоящее время поставлен на очередь и подлежит серьезному изучению. Ожидать от нее литературной активности теперь едва ли можно, но, по мнению бюро, это не дает основания устранить ее из Союза, так как она своей долголетней работой заработала себе право оставаться в рядах членов Союза. Кроме того, ее исключение не только нанесло бы ей несправедливый удар, но и лишило бы ее права пользоваться товарищеской поддержкой именно в тот момент, когда она может оказаться ей крайне нужной ввиду ее болезненного состояния».⁸⁰

В ходе следующей «чистки» Хармс и Введенский были исключены «за неоформлением». С такой формулировкой их имена указаны в списке выбывших после 1 янв. 1930 г.,⁸¹ но дополнительных сведений в архиве нет и точную дату установить невозможно. Скорее всего, это произошло после разгромной статьи Л. Нильвича о литературном вечере обэриутов, опубликованной в «Смене» 9 апр.⁸² В конце апреля Хармс еще был членом Союза и 20 или 27 апр. читал на воскресном утреннике

⁷⁸ См. об этом: *Чуковская Л. К.* В лаборатории редактора. М., 1963. С. 322–323; *Любарская А. И.* 1) Хуже, чем ничего // Нева. 1989. № 1. С. 206–208; 2) За гранью прошлых лет. Заметки о Маршаке и его редакции // Нева. 1995. № 2. С. 162–171.

⁷⁹ См. протокол заседания комиссии по перерегистрации № 6 от 1 дек. 1929 г.: РО ИРЛИ, ф. 291, оп. 1, № 494, л. 15; список членов Союза, прошедших перерегистрацию: Там же, № 495, л. 1–2; список состава Союза на 1 янв. 1930 г.: Там же, № 472, л. 37 об., 41 об.

⁸⁰ Из письма от 5 дек. 1929 г.: Там же, № 500, л. 6–6 об. По решению комиссии от 8 дек. 1929 г. Чарская была оставлена в Союзе, но в середине 1931 г. исключена.

⁸¹ Там же, № 495, л. 50–51.

⁸² *Нильвич Л.* Реакционное жонглерство: Об одной вылазке литературных хулиганов // Смена. 1930. 9 апр. № 81. С. 5.

детской секции в Ленотгизе стихотворение «О том, как папа застрелил мне хорька». ⁸³ Автор статьи впервые указал на контрреволюционность, классовую враждебность творчества обэриутов и призвал Союз писателей исключить «подобную накипь» из своего состава. Если, полагаясь на версию И. Бахтерева, под псевдонимом «Нильвич» выступил сотрудник ОГПУ Е. Е. Сно, ⁸⁴ понятно, откуда могло исходить это требование. Появившаяся следом статья критика Н. Слепнева, члена Ленинградской ассоциации пролетарских писателей (ЛАПП), повторяла основные положения Нильвича и, очевидно, была написана по его материалам, ⁸⁵ что позволяет предположить организованный характер акции против обэриутов.

Такие серьезные политические обвинения не могли остаться без последствий, но исключая Хармса и Введенского, правление Союза писателей применило стандартную для 1930 г. формулировку. К тому же и основания для нее были. Судя по записям в «Книге уплаты членских взносов с января 1928 по август 1931 гг.», оба поэта, уплатив вступительные взносы, медлили с уплатой регулярных членских взносов. ⁸⁶ После статьи Нильвича, исключения Хармса и Введенского из Союза писателей — прекратились литературные выступления ОБЭРИУ.

Нейтральная мотивировка исключения позволяла правлению пересматривать итоги перерегистраций, и повторный прием выбывших членов Союза не был явлением чрезвычайным. 28 нояб. 1930 г. Хармс и Введенский вновь заполнили вступительные анкеты (см. с. 583–586) и 4 дек. были утверждены в Союзе; ⁸⁷ числились в секции поэтов, бывшего Союза поэтов. ⁸⁸ Обращает на себя внимание их ответ на пункт 4 анкеты. Оба поэта умолчали о предыдущем членстве в Союзе писателей и указали лишь на свое пребывание в Союзе поэтов. Вряд ли это можно объяснить обычным невниманием к канцелярской казуистике. Нам представляется убедительной следующая версия. С конца 1922 г. все общества и союзы проходили ежегодную перерегистрацию в НКВД — ГПУ, согласовывали устав, направления деятельности, состав организации и правления. ⁸⁹ Для этой цели в Отдел управления

⁸³ Указан в программе утренника: РО ИРЛИ, ф. 291, оп. 1, № 580, л. 4. Вторая цифра числа не читывается из-за расплывшихся чернил. В 1930 г. воскресенье пришлось на 20 и 27 апр. *Ленотгиз* — Ленинградское областное отделение Государственного издательства.

⁸⁴ См. об этом: *Бахтерев И.* Горькие строки / Подгот. текста И. С. Мальского; Вступ. статья и примеч. А. В. Крусанова и И. С. Мальского // «...Сборище друзей, оставленных судьбою». Л. Липавский, А. Введенский, Я. Друскин, Д. Хармс, Н. Олейников: «Чинари» в текстах, документах и исследованиях: В 2 т. М., 2000. Т. 2. С. 581.

⁸⁵ *Слепнев Н.* На переломе // Ленинград. 1930. № 1. С. 1–4. Номер вышел в мае. На совпадение содержания этих публикаций обратил внимание М. Мейлах. См.: *Введенский А.* Полн. собр. произведений. Т. 2. С. 233. Незадолго до этого Слепнев выступил с критикой Союза писателей и поставил под сомнение намерение «попутчиков» перейти в «союзники» социалистического строительства: *Слепнев Н.* О писательских настроениях: (Мысли вслух) // Красная газета. Веч. вып. 1930. 9 янв. № 8. С. 2; 10 янв. № 9. С. 2.

⁸⁶ РО ИРЛИ, ф. 291, оп. 1, № 214, л. 14 об., 74.

⁸⁷ Протокол заседания президиума правления № 31: Там же, № 29, л. 53.

⁸⁸ Указаны в списке членов секции на 20 февр. 1931 г.: Там же, оп. 2, № 145, л. 1, 1 об.

⁸⁹ Постановление ВЦИК и Совнаркома «О порядке утверждения и регистрации обществ и союзов, не преследующих цели извлечения прибыли и порядке надзора за ними»: Известия ВЦИК. 1922. 12 авг. № 180. С. 4.

Губисполкома⁹⁰ ежегодно подавались отчетные сведения, включающие анкеты вновь принятых членов. Введенский и Хармс к этому времени уже находились в поле зрения ОГПУ, и указание на членство в Союзе писателей неизбежно привлекало внимание контролирующих органов к их повторному приему. Пока позволяла общественно-политическая ситуация, правление старалось «прикрывать» гонимых членов Союза, и ответ, видимо, был заранее согласован. Благодаря такой тактике в 1923 г. удалось сохранить Замятина, на исключении которого настаивал НКВД.⁹¹

О литературных выступлениях Хармса и Введенского в этот период сведений нет. Скорее всего, и выступлений не было. Начало 1930-х гг. писатели провели в поездках по стране, собирали материал по отображению в литературе процессов индустриализации, обучали рабочих-ударников основам литературного творчества. Обязательность и всеохватность движения литературных ударных бригад не оставляла возможности избежать участия в нем. Как указывает Введенский в анкете от 28 нояб. 1930 г. (см. с. 586), летом 1930 г. он побывал на одной из главных строек страны — Сталинградском тракторном заводе. В конце 1930 или начале 1931 г. Хармс был откомандирован Союзом писателей на чугунолитейный и механический завод «Кооператор».⁹²

Не исключено, что участие в общественной работе, обязательное условие членства в Союзе, сыграло не последнюю роль при следующей жесткой «чистке» в середине 1931 г., в результате которой из организации выбыло 82 человека. Согласно записи в протоколе заседания комиссии по перерегистрации, Хармс был перерегистрирован 4 июля; оба поэта указаны также в общем списке членов организации, составленном 31 авг. 1931 г., по завершении «чистки».⁹³ Видимо, к этой перерегистрации относится недатированная анкета Введенского (см. с. 586–587). По неясной причине 27 сент. Введенский вновь заполнил вступительную анкету «для кандидатов в члены Союза» (см. с. 587–588). Протоколы заседаний правления за этот период сохранились не в полном объеме, и можно лишь предположить, что в начале сентября он в очередной раз выбыл в связи с неуплатой взносов. Во всяком случае, единственная запись о его вступительных и членских взносах датирована 28 сент. 1931 г., следующим днем после заполнения анкеты.⁹⁴

---

⁹⁰ Отдел управления Петро / Ленгубисполкома по своим функциям и задачам был преемником Комиссариата внутренних дел Петрограда (1918–1919), преобразованного в Отдел управления Петроградского городского Совета (1919–1920), затем — в Отдел управления Петро / Ленгубисполкома.

⁹¹ Кукушкина Т. А. Всероссийский союз писателей. Ленинградское отделение (1920–1932). Очерк деятельности // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 2001 год. СПб., 2006. С. 99–103.

⁹² Указан в недатированном списке членов Союза, направленных на завод: РО ИРЛИ, ф. 291, оп. 1, № 177, л. 4–5. Завод размещался по адресу: Лиговский пр., д. 60–62.

⁹³ РО ИРЛИ, ф. 291, оп. 1, № 494, л. 37; Там же, № 473, л. 9 об., 14.

⁹⁴ «Приходо-расходная книга на 1931 г.»: Там же, № 221, л. 14 об. Вступительный взнос составлял в этот период 2 руб., членские — 5 руб. в год.

Дискуссия о детской литературе; исключение из Союза писателей

В конце 1931 г. завершалась перестройка Союза писателей. Организация готовилась к официальному рапорту о включении писательских сил в работу по строительству социалистического общества и созданию новой социалистической культуры. Во второй половине года в Союзе состоялись дискуссии о направлении деятельности в реконструктивный период: «Писатели и социалистическое строительство», «О творческом методе», «Пролетарская литература и попутчики», дискуссия о поэзии и о детской литературе.

Установки к обсуждению детской литературы были заданы Первой Всероссийской конференцией по детской литературе, проходившей в феврале 1931 г.,⁹⁵ и постановлением ЦК ВКП (б) «Об издательской работе» от 15 авг. 1931 г. Детская литература объявлялась участком острой классовой борьбы за генеральную линию партии. Книжки должны были «целиком отвечать задачам социалистической реконструкции»,⁹⁶ содействовать коммунистическому воспитанию нового поколения, отображать реальную действительность, а не абстрактную романтику и сказочный мир. Игровая, «буржуазная», литература подлежала уничтожению. Как и в 1929 г., основными объектами критики стали детская продукция ленинградского ГИЗа и его сотрудники. По канонам советского времени детским писателям-«попутчикам» предстояло публично покаяться в ошибках, изгнать из своих рядов враждебные элементы и присоединиться к официальной линии. Эту функцию должна была выполнить дискуссия Всероссийского союза советских писателей о детской литературе, неминуемо приобретающая политический характер.

Сохранилась стенограмма дискуссии в ленинградском Союзе писателей, проходившей с 11 по 18 окт. 1931 г. Позиция детских писателей, многие из которых сотрудничали в детском секторе ГИЗа, с самого начала не оправдала ожиданий официальных инстанций. Докладчицы Е. Я. Данько и Т. А. Богданович представили общую характеристику состояния детской литературы и творчества отдельных писателей, не содержащую политических разоблачений. Мало того, к достижениям «попутнической» детской литературы Данько отнесла создание новой школы, возглавляемой Маршаком, а его самого назвала «пропагандистом новых путей».

Дальнейшие выступления походили на откровенное судилище. Тон задавали члены ЛАПП М. Ф. Чумандрин, не являвшийся детским писателем, и А. Б. Серебрянников, редактор детского сектора ГИЗа. Весь ход обсуждения в первый же день дискуссии определил Чумандрин, открыв-

⁹⁵ Первая Всероссийская конференция по детской литературе 2–6 февраля 1931 г. М., 1931; За пролетарскую детскую книгу. Резолюции и постановления Первой Всероссийской конференции по детской литературе 2–6 февраля 1931 г. Сборник I. М., 1931; *Разин И.* Детская литература в реконструктивный период. Материалы Всероссийской конференции по детской литературе. М., 1931.

⁹⁶ Из постановления ЦК ВКП (б) от 15 авг. 1931 г.: КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. М., 1984. Т. 5. С. 340.

ший прения. После его критических выпадов председатель долго не мог найти желающих продолжить обсуждение. Серебрянников брал слово дважды, 12 и 13 окт. Его выступления отличались особой жесткостью и содержали прямые политические обвинения. Остальные участники прений, члены ЛАПП, педагоги и школьные библиотекари, в основном повторяли сентенции Чумандрина и Серебрянникова.

Как и следовало ожидать, детские книжки ГИЗа и школу Маршака обвинили в пропаганде общечеловечности, гуманизма и бесклассовости. Но основной удар направлялся на «пристроившихся» к Маршаку обзористов — Хармса, Введенского, Заболоцкого. К сожалению, нам не удалось установить, присутствовали они на заседаниях или нет. В информационной заметке о дискуссии отмечалось, что «детских писателей, участвовавших в дискуссии, вообще оказалось мало. Писателей, утверждавших самокритику как элемент творческой дискуссии — еще меньше».⁹⁷

Доклады Данько и Богданович были расценены как поверхностные, содержащие «формалистские, гуманистические ошибки».⁹⁸ Оппоненты «уличили» докладчиц в нежелании показать процессы «пристройки целого выводка классово враждебных писателей, окопавшихся в детской литературе»⁹⁹ и отношение «к таким поэтам как Заболоцкий, Хармс и Введенский»,¹⁰⁰ в попытке прикрыть «классово-враждебные группки», а детскую секцию Союза — в формализме и укрывательстве формалистов. Чумандрин и Серебрянников буквально требовали от них вскрыть и публично осудить ошибочные установки. «Школа формализма на попроще детской литературы у нас в Ленинграде укрепились достаточно крепко, — утверждал Серебрянников, — мы имеем целый ряд писателей и критиков, разоблаченных в общей литературе, мы имеем то, что эти писатели и критики до сих пор своих ошибок не признали, и они пришли в детскую литературу, чтобы скрыться от нашей пролетарской общественности, чтобы продолжать протаскивать свои идеи. Мы имеем творчество Бухштаба, Коварского, Рахтанова, Шкловского, и мы имеем ответвление от этой формалистской школы в виде процветающей школы Обериутов, (sic! — Т. К.) мы имеем значительный „успех“ Заболоцкого, Введенского и Хармса».¹⁰¹

Упреки в формализме и невнимании к современности адресовались многим писателям (К. Чуковскому, С. Маршаку, Б. Житкову, В. Бианки, Е. Шварцу, М. Ильину), но имена Введенского, Хармса и Заболоцкого как главных врагов коммунистического воспитания вызывали особую агрессию. Чумандрин и Серебрянников называли их «остатками буржуазии», «классово-враждебными», «контрреволюционными», «пристроившимися» писателями, а их детские произведения — антисоветскими и халтурными. К последним отнесли произведения на современную

---

⁹⁷ Р. [Рест Б.] Какая книга нужна ребенку? // Красная газета. Веч. вып. 1931. 23 окт. № 251. С. 3.

⁹⁸ Из выступления библиотекаря Кошелева 18 окт.: РО ИРЛИ, ф. 291, оп. 1, № 201, л. 2 об.

⁹⁹ Из выступления Серебрянникова 12 окт.: Там же, № 199, л. 16.

¹⁰⁰ Из выступления Кошелева 18 окт.: Там же, № 201, л. 2.

¹⁰¹ Из выступления 12 окт.: Там же, № 199, л. 17 об.

тематику. Введенского уличили в восхвалении кулачества в детской книжке «Авдей-Ротозей». ¹⁰² Дискредитацию социалистического строительства, пионерского движения, и вообще — советской действительности «обнаружили» в его книгах «Подвиг пионера Мочина», «Путешествие в Батум», «Письме Густава Мейера», ¹⁰³ в стихах и книжках Хармса «Веселые чижы», «Врун», «Что мы заготавливаем на зиму», «О том, как Колька Панкин летал в Бразилию, а Петька Ершов ничему не верил», «Миллион». ¹⁰⁴

«Возьмем Введенского и Хармса, которых сейчас причисляют к школе Маршака, — рассуждал Чумандрин. — <...> Вот пишет Хармс как Колька Па <нкин> летал в Бразилию. Смысл таков, что ребята захотели полететь в Бразилию, строили разные планы, и вместо этого оказались около Ленинграда, где их случайно находит добродетельный шофер и привозит обратно. Здесь автор временами пытается играть на таких острогах, чрезвычайно странного порядка, например, что ребята хотели попасть в Бразилию, а шофер говорит о деревне Брусилове; автор пишет о таких Брусиловых целые книги. 30-й год, художественная литература воспитывает людей, но как можно воспитывать людей на таких книгах, даже не на анекдоте, как можно воспитывать людей на книгах вроде „Подвиг пионера Мочина“. <...> Здесь получается какое-то совершенно издевательское изображение пионера. Здесь умышленная подгонка пионера под хорошего мальчика, под какого-то героя даже не из Киплинга, у героев которого поступки вытекают из обстановки, в которую они попадают, а здесь все это дается даже без всяких мотивировок, просто пионер должен быть хорошим мальчиком. Возьмем Введенского „Путешествие в Батум“. (Зачитывает). Здесь идет описание, вы видите какой-то домик, какое-то болото и т. д. Кому нужна такая описательщина, которая совершенно не помогает прозревать действительность, вот человек прочтет книгу, а что он из нее вынесет? По-моему, ничего...» ¹⁰⁵

Оба лаповских критика настойчиво возвращались к творчеству Хармса, Введенского и Заболоцкого периода ОБЭРИУ и говорили о бывших обэриутах как о «группе», «сектантской организации», подчеркивая умышленный, коллективный характер вреда, нанесенного детской литературе. «Товарищи, мы имеем еще очень много старого, мы имеем еще целый ряд фактов, когда в условиях ленинградской действительности работают сектантские организации, — констатировал Серебрянников. — <...> Сектантские организации не говорят, что пролетариат — это плохо, что партия — это плохо, что колхозное строительство — это плохо. Они об этом ни слова не говорят, они это просто-напросто замалчивают. Они все внимание обращают на голое

¹⁰² Введенский А. Авдей-Ротозей: Рассказ для детей. М., 1929.

¹⁰³ Введенский А. 1) Подвиг пионера Мочина. Стихи. М., 1931; 2) Путешествие в Батум. Стихи. М., 1931; 3) Письмо Густава Мейера. Стихи для детей. М.; Л., 1931.

¹⁰⁴ Хармс Д. 1) Веселые чижы // Чиж. 1930. № 1. С. 10–13 (совместно с Маршаком); 2) Врун // Еж. 1930. № 24. С. 10–11; 3) Что мы заготавливаем на зиму // Еж. 1931. № 19–20. С. 12–13; 4) О том, как Колька Панкин летал в Бразилию, а Петька Ершов ничему не верил. М.; Л., 1928 (2-е изд. — М.; Л., 1930); 5) Миллион. М., 1931.

¹⁰⁵ Из выступления 11 окт.: РО ИРЛИ, ф. 291, оп. 1, № 198, л. 25 об.—26.

трюкачество, которое в значительной мере определяется в творчестве Хармса и Заболоцкого».¹⁰⁶

В негативном контексте упоминались журналы «Еж», «Чиж», издательство «Молодая гвардия», детский отдел Ленигиза, с которыми сотрудничали «сектанты-обэриуты». Раздавались даже призывы «просто убивать» за такие «политически вредные» издания, как журналы «Еж» и «Чиж».¹⁰⁷

Жестким нападкам подвергся коллективный сборник детской секции Союза,¹⁰⁸ в отдельных статьях которого (Б. Бухштаба, А. Бармина, Л. Гинзбург) положительно оценивалось детское творчество Маршака, Хармса и Введенского. Особой резкостью отличалось выступление О. Берггольц, которая доказывала, что издание грешит целым рядом формалистических ошибок, прежде всего — в вопросе о методе детской литературы, понимаемом как простая доходчивость и не учитывающем классовую принадлежность ребенка.¹⁰⁹

Судя по тому, что лаповцы упорно настаивали на отделении детского творчества Введенского и Хармса от школы Маршака, основной мишенью на этот раз был не Маршак, а именно они. С первого дня дискуссии Чумандрин пытался сориентировать в этом направлении все выступления: «Боюсь, что, если тов<ариш> Маршак серьезно подумает, он обидится за причисление таких писателей к нему, я думаю, что его творчество не может идти в сравнение с творчеством этих писателей. <...> Когда читаешь Маршака, правда, можно с ним спорить, можно находить отдельные вещи не правильными, но чувствуется, что Маршак всегда работает, пытаясь дать литературу, которая, по его мнению, организует и обучает читателя. Правда, по-нашему, он часто ошибается, и очень серьезно ошибается. Но почему же пришиваются эти писатели к Маршаку? Совершенно зря это делают, зря их пришивают друг к другу, потому что один из них серьезный попутчик, который может перестроиться и хочет перестроиться, а другие — остатки буржуазии. Товарищи, вы все хорошо знаете, откуда пришли к нам Хармс и Введенский. Эти люди пришли к нам формально».¹¹⁰

Подобную позицию занимал и Серебрянников, отметивший Маршака как ценного «попутчика», а его творчество — как яркий пример перестройки. В таком ключе Маршак упоминался и в заметке участника прений Б. Реста, опубликованной на третий день дискуссии.¹¹¹ Что касается Хармса и Введенского, то им в возможности перестройки было отказано: «Даниил Хармс остается на своих прежних обэриутских (sic! — Т. К.) позициях и не думает перестраиваться, — утверждал

¹⁰⁶ Из выступления 12 окт.: Там же, № 199, л. 18.

¹⁰⁷ Из выступления Васильевского 18 окт.: Там же, № 201, л. 4.

¹⁰⁸ Детская литература. Критический сборник / Под ред. А. В. Луначарского. М.; Л., 1931. В сборник вошли статьи Е. Я. Данько, Б. Я. Бухштаба, А. Г. Бармина, Л. Я. Гинзбург, В. А. Гофмана, Н. А. Коварского, И. А. Рахтанова и др.

¹⁰⁹ Текст выступления Берггольц сохранился не полностью. Часть стенограммы была взята ею для правки, о чем свидетельствует приписка на титульном листе стенограммы, сделанная рукой неустановленного лица: РО ИРЛИ, ф. 291, оп. 1, № 200, л. 1.

¹¹⁰ Из выступления 11 окт.: Там же, № 198, л. 25 об.-26.

¹¹¹ Рест Б. Днепрострой и Турксиб // Красная газета. Веч. вып. 1931. 13 окт. № 242. С. 3.

Серебрянников. — <...> Заболоцкий-Миллер захотел перестроиться. <...> Последние произведения Введенского показывают Введенского также как пристроившегося писателя, который берет идеи пролетариата напрокат. <...> Вот, товарищи, линия самого позорного, что может быть в литературе, это — линия приспособленчества». ¹¹² Если Маршаку и Заболоцкому был дан кредит на исправление ошибок, то Введенский и Хармс попали в разряд тех, чье классово-враждебное творчество обречено «на идейное и художественное умирание», ¹¹³ что теперь уже означало и вытеснение из литературного процесса.

Такой поворот обсуждения был неожиданным для участников дискуссии. На предыдущих дискуссиях Союза писателей о «попутнической» литературе и поэзии (июль–август) звучало много резкой критики, но никто не был отлучен от литературы. Особое недоумение вызвала позиция Чумандрина. «Т<оварищ> Чумандрин высказал в своем выступлении такие положения, которые бы он никогда не высказал в общей дискуссии по попутнической литературе, — заявила Данько. — Я помню, как, выступая по докладу Штейна, меня он предостерегал от грубой критики, которая рубит с плеча, призывал не клеймить писателей, не навешивать на них ярлыков, а внимательно разобраться в творчестве писателя, уловить имеющиеся в его творчестве противоречия, найти ведущую противоположность, найти средства помочь его перестройке и т. д. В вопросах детской литературы Чумандрин стал на полярно противоположную точку зрения, а именно — рубить с плеча и долго не разговаривать». ¹¹⁴

Несмотря на очевидную политическую окраску «прений», ни один из писателей, чье творчество критиковалось на дискуссии, не откликнулся на призывы лапповцев покаяться в своих ошибках. Более того, звучали голоса в защиту детской литературы, Введенского и Хармса. В. Меркульева, в частности, отметила положительные сдвиги в «попутнической» детской литературе и призвала не только критиковать и упрекать, а помогать детским писателям в перестройке. Б. Бухштаб охарактеризовал неконкретные и бездоказательные обвинения Берггольц как методологическую безграмотность. Е. Шварц, хоть и с оговорками, убеждал собравшихся, что Хармс и Введенский активно перестраиваются: «Меня сегодня удивил Чумандрин. Я к нему очень хорошо относился после первого тура, где он держался спокойно и уверенно, чувствовалось, что он знает то, что пишет, кто чем занимается. <...> Сегодня же Чумандрин чувствует себя неуверенно, потому что он нехорошо знаком с вопросами детской литературы, но, вместе с тем, он говорил чрезвычайно уверенно. Но фамилии, которые он упоминал, это случайные фамилии для детской литературы, не считая Маршака.

¹¹² Из выступления 12 окт.: РО ИРЛИ, ф. 291, оп. 1, № 199, л. 20 об.–22. Миллер — таким псевдонимом Заболоцкий подписывал некоторые произведения для детей.

¹¹³ Из выступления Серебрянникова 13 окт.: Там же, № 200, л. 10 об.

¹¹⁴ Из выступления 18 окт.: Там же, № 201, л. 13 об. Штейн — ошибка стенографистки. Речь идет о докладе З. Я. Штейнмана «Формула перехода — борьба за мировоззрение» на дискуссии ленинградского Союза писателей об идейно-творческой перестройке писателей-«попутчиков» в июле 1931 г. Отметим также, что на дискуссии о поэзии (18–26 авг. 1931 г.) Хармс и Введенский не упоминались.

<...> Я не хочу обвинять Чумандрина, я хочу только сказать следующую вещь. Я хочу сказать о двух страшных людях, которые пришли к нам от Обериутов (sic! — Т. К.). Товарищи, <...> эти страшные люди, Хармс и Введенский, делали страшные ошибки, и их путь для перестройки был гораздо труднее, чем у многих из нас. Но сейчас они работают в нескольких организациях, в Союзном Ударнике, в Большевистской Смене и в других. <...> Нет, они не плохие работники, у них есть желание работать, и чувствуется, что они сделают настоящую вещь. Была попытка просто отрезать этих людей. <...> Надо сказать, что в „Еже“ сейчас новые работы Введенского и Хармса гораздо более значительны, чем было до сих пор». ¹¹⁵

В поддержку Введенского неожиданно выступил член секции детской литературы ЛАПП, сотрудник издательства «Молодая гвардия» А. В. Западов: «Что касается Введенского, то вопрос о нем стоит иначе. Введенский — человек с обериутским (sic! — Т. К.) прошлым, начавший с „Авдей-Ротозей“ и с „Мяу“ и пришедший к „Конной Буденного“, где был момент украшательства <...> и дошел до „ПВО“, что заставляет говорить о том, что Введенский как-то задумался над своим творчеством. Но для того, чтобы Введенский мог перестроиться, он должен серьезно перед собою эту проблему поставить». ¹¹⁶

Вопреки требованиям лапповцев, в заключительном слове Данько и Богданович так и не прозвучало осуждение «приспособленцев». Выступление Данько представляло собой смелый отпор оппонентам. Она отметила их некомпетентность и неисторический подход к анализу творчества писателей, а выступления Серебрянникова и Чумандрина назвала «стуканием»: «... таким стуканием, которое рекомендует т<оварищ> Чумандрин, мы ничего не достигнем, а между тем таким точно стуканием были и другие оценки Чумандрина по отношению к ряду писателей, например, Введенского, Хармса, Заболоцкого, Маршак. <...> Т<оварищ> Серебрянников <...> формулировал прошлое Хармса, Введенского и Заболоцкого, но не сформулировал их настоящего и не вскрыл того, что они должны сделать, чтобы перестроиться, кроме того, чтобы публично отречься от своих прошлых позиций. Серебрянников просто поставил на них крест красной халтуры и приспособленчества». ¹¹⁷

Итоги предполагалось подвести на втором круге дискуссии, который по неясным причинам не состоялся, но выводы прозвучали вскоре в разоблачительных публикациях участников «прений». В подробном

¹¹⁵ Из выступления 11 окт.: Там же, № 198, л. 33–34. В Союзном Ударнике — возможно, ошибка стенографистки. В 1930–1931 гг. стихотворения Введенского и Хармса печатались в журнале-учебнике для третьей группы школы I ступени «Юные ударники». Не исключено также, что имеется в виду газета «Ударник», выпускаемая Союзом писателей на подшефном заводе экспортной и технической обуви «Красный треугольник». *Большевистская смена* — журнал-учебник для четвертой группы школы I ступени.

¹¹⁶ Из выступления 13 окт.: Там же, № 200, л. 40. Имеются в виду книги Введенского «Авдей-Ротозей» (1929), «Мяу. Рассказ» (М.; Л., 1928), «Конная Буденного. Стихи» (М., 1931), «П. В. О. К обороне будь готов. Стихи для детей» (Л.; М., 1932). Последнюю книжку Западов, вероятно, знал по рукописи.

¹¹⁷ Из выступления 18 окт.: РО ИРЛИ, ф. 291, оп. 1, № 201, л. 14, 15 об.–16.

отчете Б. Реста о дискуссии, помещенном в «Литературной газете», оба поэта были названы «людьми, пришедшими с буржуазных позиций и отсиживающимися в детской литературе». ¹¹⁸ Серебрянников, повторив свои обвинения по адресу Введенского, Хармса и детской секции Союза писателей, потребовал «выгнать классового врага, окопавшегося в детской литературе, призванной воспитывать в коммунистическом духе советских ребят». ¹¹⁹ 10 дек. 1931 г., менее чем через месяц после этой публикации, Хармс, Введенский, Туфанов, Андроников были арестованы по подозрению в участии в антисоветской нелегальной группировке литераторов. ¹²⁰

Реакция московской писательской общественности последовала, когда Хармс и Введенский уже находились в заключении. Н. Асеев в докладе на поэтической дискуссии Союза писателей (16 дек.) заявил, вслед за Серебрянниковым, что их творчество обречено на «бесплодие, на длительный творческий паралич». ¹²¹

Очевидна прямая связь между кампанией по уничтожению прежней детской литературы, детского сектора Госиздата, дискуссией о детской литературе в ленинградском Союзе писателей и арестом Введенского и Хармса. Но обстоятельства возникновения «дела» Хармса и Введенского вызывают ряд вопросов. Почему сам Маршак избежал участи арестованных? Почему на дискуссии его старательно отделяли от Введенского и Хармса? Объяснение может быть только одно — сигнала «добывать» Маршака просто не было. Это подтверждают и материалы Первой Всероссийской конференции по детской литературе, на решения которой опиралась официальная критика. И. Разин, заведующий сектором детской литературы московского издательства «Молодая гвардия», один из основных докладчиков (вместе с Н. Крупской), в положительном контексте назвал Маршака, Бианки и М. Ильина «попутчиками». ¹²² Согласно постановлению ЦК РКП (б) 1925 г. «О политике партии в области художественной литературы», требовавшему «тактичного» отношения к этой группе писателей, «попутчиков» «прорабатывали»,

---

¹¹⁸ *Рест Б.* Какая книжка нужна детям // Литературная газета. 1931. 27 окт. № 58. С. 1. Интересно отметить, что в информационных заметках Б. Реста о дискуссии Хармс и Введенский не упоминались: *Р. [Рест Б.]* 1) Дискуссия о детской книге в ленинградской организации Союза советских писателей // Красная газета. Веч. вып. 1931. 17 окт. № 246. С. 3; 2) Какая книга нужна ребенку? // Там же. 23 окт. № 251. С. 3. См. также публикацию, по тональности совпадающую с выступлениями в «прениях»: *Патреев-Мещеряк А.* «Еж» залез в джунгли // Нижегородский просвещенец. 1931. № 10. С. 55–57. Номер вышел в конце октября.

¹¹⁹ *Серебрянников А.* Золотые зайчики на полях детской литературы // Смена. 1931. 15 нояб. № 270. С. 3.

¹²⁰ Обстоятельства ареста и допросов изложены в работах: Разгром ОБЭРИУ: Материалы следственного дела / Вступ. статья, публ. и коммент. И. Мальского // Октябрь. 1992. № 11. С. 166–191; Дело № 4261–31 г. / Публ. Н. Кавина; Подгот. текстов и примеч. В. Сажина // «... Сборище друзей, оставленных судьбою». Т. 2. С. 519–573; Дело № 4246–31 г. / Публ. Н. Кавина; Примеч. В. Н. Сажина // Хармс Д. Собр. соч.: В 3 т. СПб., 2000. Т. 3. С. 269–329. *Андроников Ираклий Луарсабович* (1908–1990) с марта по сентябрь 1931 г. являлся секретарем редакции журналов «Еж» и «Чиж», с сентября 1931 г. — секретарем детского сектора издательства «Молодая гвардия».

¹²¹ *Асеев Н.* Сегодняшний день советской поэзии // Красная новь. 1932. Кн. 2. С. 164.

¹²² Первая Всероссийская конференция по детской литературе 2–6 февраля 1931 г. С. 30.

призывали к активной перестройке, но не изгоняли из литературы. Подобной тактики придерживалось и руководство ЛАПП, также квалифицировавшее именно этих писателей как «ценных попутчиков». ¹²³ Иное дело — «буржуазные» (К. Чуковский) и «пристроившиеся» писатели. Конференция призывала к беспощадной борьбе с ними, и причисление к этим группам грозило серьезными последствиями.

Но и Введенский, благодаря своим произведениям на социальную тематику, получил от Разина «охранную грамоту». Его докладчик отнес к группе, способной «отразить в своей творческой работе биение пульса современности». ¹²⁴ Такая оценка дорогого стоила. Не случайно ведь А. Западов говорил на дискуссии о наметившейся перестройке Введенского. Отметим также, что в официальной печати этого периода не было резкой критики детского творчества Введенского и Хармса. В мае 1931 г. Хармс даже получил предложение участвовать в создании детской книжки, посвященной Октябрю, ¹²⁵ что, как известно, не допускалось в отношении опальных писателей. Следовательно, должны были возникнуть обстоятельства, позволившие развернуть их травлю как «буржуазных» писателей, «пристроившихся» к детской литературе.

Из воспоминаний И. Бахтерева известно, что незадолго до дискуссии в Союзе писателей ОГПУ вновь проявило интерес к обэриутам. ¹²⁶ Предположительно в сентябре 1931 г. Е. Е. Сно, как полагает Бахтерев, — сотрудник ОГПУ, по личной инициативе познакомился с Хармсом и Введенским и на одном из домашних вечеров спровоцировал «монархические» высказывания Введенского. Впоследствии, как известно, арестованным инкриминировались «монархические» взгляды. Судя по рассказу Бахтерева, чекиста интересовало не детское творчество Хармса и Введенского, а их деятельность как «левых» поэтов. Хотя к осени 1931 г. ОБЭРИУ как объединение уж не существовало, творческое общение обэриутов, обсуждение литературных проблем продолжилось в неформальном дружеском кругу, организующим центром которого по-прежнему были Хармс и Введенский. Их обособленная, «еретическая» (используя выражение Зямытина) позиция, игра не по правилам, не вписывалась в заданную линию развития литературы и, несомненно, представляла для власти определенную опасность. Вероятно, в этот период ОГПУ формировало «дело» обэриутов (точнее — Введенского и Хармса), явно нуждалось в дополнительном компромате и, скорее всего, проявляло интерес к дискуссии Союза писателей. Не в этом ли потаенный смысл сокрушительной критики на дискуссии не только их детской поэзии, но и «взрослой», периода деятельности ОБЭРИУ? В таком случае арест Введенского и Хармса, интерпретирующийся в контексте «дела» детского сектора Госиздата, ¹²⁷ приобретает дополнительный оттенок.

¹²³ Такая оценка была дана в докладе Т. К. Трифионовой о детской литературе на заседании президиума правления ЛАПП 17 мая 1929 г.: РО ИРЛИ, ф. 493.

¹²⁴ Первая Всероссийская конференция по детской литературе 2–6 февраля 1931 г. С. 30.

¹²⁵ См. письмо редакции дошкольного отделения московского издательства «Молодая гвардия» от 30 мая 1931 г.: ОР РНБ, ф. 1232, № 407.

¹²⁶ *Бахтерев И.* Горькие строки. С. 580–582.

¹²⁷ *Устинов А. Б.* Дело детского сектора Госиздата. Предварительная справка. С. 125–136; Дело № 4261–31 г. // «...Сборище друзей, оставленных судьбою». Т. 2. С. 519.

Как известно, доказательством антисоветской деятельности Хармса и Введенского послужило как их детское, так и взрослое, «заумное» творчество, и к моменту ареста ОГПУ располагало материалом, на котором строилось обвинение и показания арестованных. Идентичность ответов Введенского и Хармса свидетельствует, что все они давались на основе некой «домашней заготовки» следствия.¹²⁸ Сличение опубликованных протоколов допросов Введенского и Хармса со стенограммой дискуссии показывает, что источником такой «заготовки» послужили критические выступления в «прениях». Иной возможности получить такой обширный материал в этот период просто не было.

На первом же допросе, 12 дек., Введенский упоминает о дискуссии, выступлениях Серебрянникова и Чумандрина и признает их соответствующими действительности. Понятно, что признать или не признать можно то, что предьявлено. В своих показаниях оба поэта оперируют одинаковым набором фактов, обвинений и произведений, которые фигурировали на дискуссии. Вслед за лапповскими критиками они называют свое творчество («заумное» и детское) контрреволюционным и вредительским, признают, что являлись членами сектантской группы, действовавшей в детской литературе, подразделяют детские произведения на халтурные и антисоветские и повторяют формулировки Серебрянникова и Чумандрина, иногда — почти буквально. Такие же показания давал и Андроников. Приведем несколько примеров.

О стихотворении Хармса «Миллион».

Из выступления Серебрянникова 12 окт. 1931 г.: «Во время слета Хармс решил показать, что он тоже за детское коммунистическое воспитание, и вот он пишет „Миллион“: <...> Товарищи, нам всем хорошо известно, что в пионерских отрядах и девочки и мальчики — все работают вместе, а Хармс их почему-то разделяет. <...> Оказывается, Хармс знает и сложение, и вычитание, и умножение, и деление, одним словом — все четыре правила арифметики, но Хармс не знает того, что слет — это не простой парад, что слет — это подведение итогов и намечение дальнейших путей».¹²⁹

Пассаж о правилах арифметики объясняется цитированием стихотворения Хармса, в котором маршрутка пионерского отряда сопровождается счетом.

Из показаний Андроникова от 20 дек. 1931 г.: «...книжка Хармса „Миллион“ носит издевательский характер над пионерским движением. <...> Она представляет собой гнусный поклеп на пионеров, только

¹²⁸ См. об этом в публ. И. Мальского: Разгром ОБЭРИУ: Материалы следственного дела. С. 169–170.

¹²⁹ РО ИРЛИ, ф. 291, оп. 1, № 199, л. 21. В этом контексте интересно отметить кардинально противоположную оценку произведений Хармса и Введенского во второй половине 1930-х гг., что косвенно подтверждает и без того очевидную сфабрикованность обвинений на дискуссии 1931 г. Так, стихотворение Хармса «Миллион» интерпретировалось критикой как удачный пример «наиболее простого разрешения социальной темы» (*Бегак Б.* Социальная тема в поэзии для детей // *Детская литература.* 1936. № 19. С. 45), новаторской детской поэзии, «в которой тема раскрывается в неожиданной цифровой игре» (*Тренин В.* О смешной поэзии // Там же. 1939. № 9. С. 24).

и делающих, что марширующих, из десятков которых складывается (отдельно мальчики и девочки) совершенно механически миллион».¹³⁰

Из показаний Хармса от 23 дек. 1931 г.: Хармс называет стихотворение «политически-вредным», «контрреволюционным» произведением, в котором «тема пионерского движения подменена <...> простой маршировкой, которая передана <...> в ритме самого стиха, с другой стороны, внимание детского читателя переключается на комбинацию цифр».¹³¹

Из показаний Хармса от 1 янв. 1932 г.: «В этой книжке я сознательно обошел тему, заданную мне, не упомянув ни разу <...> слово „пионер“ или какое-либо другое слово, свидетельствующее о том, что речь идет о советской современности. Если бы не рисунки, <...> — то нельзя было <бы> понять, о чем идет речь в книжке: об отряде пионеров или об отряде белогвардейских бойскаутов, тем более, что я отделил в содержании книжки девочек от мальчиков, что, как известно, имеет место в буржуазных детских организациях и, напротив, глубоко противоречит принципам пионердвижения».¹³²

О стихотворении Хармса «Что мы заготавливаем на зиму».

Из выступления Серебрянникова 12 окт. 1931 г.: «Хармс пишет, как ребята собирают с грядок, а зачем они собирают и что собирают — неизвестно. К сожалению, за отсутствием книжки, я не могу процитировать, это произведение называется „Огород“. Показывает ли оно, что Хармс идет по пути перестройки. Нет, это показывает, что он идет по пути Миллера-Заболоцкого, по пути пристройки».¹³³

Из показаний Андроникова от 20 дек. 1931 г.: «Произведение Хармса „Что мы заготавливаем на зиму“ сознательно подменяет социально-политическую тему о жизни пионерского лагеря темой естественноведческой».¹³⁴

Из показаний Хармса от 23 дек. 1931 г.: «В книжке „Что мы заготавливаем на зиму“ тема о <...> пионерском лагере подменена мною сознательно темой естественноведческой, и внимание ребенка переключается на те предметы, которые необходимо заготовить на зиму».¹³⁵

Из показаний Введенского от 26 дек. 1931 г.: «Книжки Хармса „Миллион“ и „Заготовки на зиму“ <...> сознательно, в политических целях, подменяют общественно-политическую тематику тематикой внешне аполитичной, естественноведческого характера. Пионеров и пионерского движения <...> в этих книжках нет, и, таким образом, читатель <...> знакомится в первом случае (книжка „Миллион“) всего лишь с четырьмя правилами арифметики, а во втором (книжка „Заготовки на зиму“) вообще не получает никаких полезных сведений».¹³⁶

¹³⁰ Дело № 4261–31 г. // «...Сборище друзей оставленных судьбою». Т. 2. С. 566.

¹³¹ Там же. С. 527.

¹³² Там же. С. 529.

¹³³ РО ИРЛИ, ф. 291, оп. 1, № 199, л. 21 об. «Огород» — неверное название стихотворения. Очевидно, в связи с «отсутствием книжки» оратор перепутал произведение Хармса с книжкой Шварца «Наш огород» (М., 1931), о которой также говорилось на дискуссии.

¹³⁴ Дело № 4261–31 г. // «...Сборище друзей оставленных судьбою». Т. 2. С. 565.

¹³⁵ Там же. С. 527.

¹³⁶ Там же. С. 541.

Из выступления Серебрянникова: «Следующий писатель, вышедший из этой же группы, из группы пресловутых обериутов (sic! — Т. К.), Александр Введенский. Творчество его началось с произведения, не знаю, является ли это его первым произведением, — „Авдей-Ротозей“. Здесь он идет по пути восхваления кулачества, говорит, что мужик бедный, бедняк, в сущности, потому, что он ротозей. Творчество Введенского идет по линии „Мяу“». ¹³⁷

Из показаний Введенского от 26 дек. 1931 г.: «Мое произведение для детей „Авдей-Ротозей“ содержит в себе очевидное восхваление зажиточного кулака, как единственно трудолюбивого и общественно-полезного крестьянина, беднота же представлена мною в карикатурном образе „Авдея-Ротозея“, лежебоки и пьяницы. Этот образ советской бедноты заимствован был мною из антисоветских воззрений на политику партии в деревне, которых придерживалась наша группа в целом». ¹³⁸

Из показаний Хармса от 1 янв. 1932 г.: «Из названных мною выше произведений члена нашей группы А. И. Введенского особо останавливаюсь на книжке „Авдей-Ротозей“, которая, воспевая крепкого зажиточного мужичка и издеваясь над деревенской беднотой, является кулацкой и антисоветской». ¹³⁹

Почти через полгода, когда арестованным выносился приговор, материалы дискуссии вновь «всплыли» в печати. 14 марта 1932 г. обвинительное заключение по делу обэриутов было утверждено прокурором Ленинградской области; 21 марта Коллегия ОГПУ утвердила приговор. ¹⁴⁰ Между этими датами, 16 марта, газета «Наступление», орган ЛАПП, поместила разгромные статьи Серебрянникова и Берггольца, повторявшие основные положения их выступлений на дискуссии. ¹⁴¹ В исключительно резких выражениях Бергголец вновь обвинила авторов критического сборника детской секции Союза писателей в «оголтелой реакционности» и укрывательстве «классово-враждебной, контрреволюционной пропаганды» «литературных белогвардейцев» Хармса и Введенского. Статьи предварялись лозунговыми призывами: «Повысим большевистскую бдительность в детской литературе!», «Против политической близорукости и примиренчества к буржуазной опасности». Открывался номер редакционной статьей все о том же сборнике детской секции, отдельным участникам которого инкриминировались «антиленинские высказывания»

¹³⁷ РО ИРЛИ, ф. 291, оп. 1, № 198, л. 21 об., 22.

¹³⁸ Дело № 4261–31 г. // «...Сборище друзей оставленных судьбою». Т. 2. С. 541.

¹³⁹ Там же. С. 530.

¹⁴⁰ Там же. С. 569, 572.

¹⁴¹ *Серебрянников, Соколов*. Вредное рукоделие // Наступление. 1932. 16 марта. № 2. С. 2; *Бергголец О.* Книга, которую не разоблачили // Там же. С. 2; 22 марта. № 3. С. 2. Сведения об этих публикациях и фрагменты статьи Бергголец приведены в: *Кобринский А. А.* 1) Даниил Хармс и Николай Олейников на дискуссии о формализме 1936 года // *Russian Studies*. СПб., 1996 (1998). Vol. II. № 4. С. 332; 2) Поэтика «ОБЭРИУ» в контексте русского литературного авангарда. Ч. 2. С. 29–30.

и «антипролетарская писанина».¹⁴² Поскольку ответственным редактором газеты являлся Чумандрин, нельзя исключить его участие в подготовке этой анонимки.

Публикации вполне соответствовали духу времени и, как справедливо отмечают исследователи,¹⁴³ явились реакцией на постановление ЦК ВКП (б) «Об издательстве „Молодая гвардия“» от 29 дек. 1931 г., завершившее дискуссии о детской литературе, и призыв партии «беспощадно бороться с халтурой, проникающей под флагом создания новой детской книги». Однако их приуроченность к вынесению приговора вряд ли можно считать случайной, и осведомленность авторов статей о ходе следствия не вызывает сомнения.

Характер обсуждения на дискуссии и последовавшие выступления в прессе свидетельствуют, что дискуссия ленинградского Союза писателей о детской литературе, вольно или невольно, имела доносительский характер и, безусловно, сыграла определенную роль в судьбе поэтов.¹⁴⁴

К моменту вынесения приговора оба поэта уже были исключены из Союза писателей. 9 янв. 1932 г. бюро секции поэтов исключило их из своего состава «как не связанных по своей работе с работой секции поэтов»;¹⁴⁵ 16 янв. 1932 г. комиссия по перерегистрации исключила Введенского «как не связанного с Союзом и как оторвавшегося от Союза Советских Писателей» и Хармса «как не связанного с Союзом и порвавшего всякую связь с идейно-творческой работой Союза».¹⁴⁶

Участие Введенского и Хармса в официальных литературных организациях второй половины 1920-х гг. и не могло завершиться иначе. Нивелирующаяся эпоха не оставляла пространства для творчества как самостоятельной ценности и собственного пути в литературе, все равно — футуриста, неоклассика или авангардиста.

Через несколько месяцев прекратилась деятельность Всероссийского союза советских писателей, упраздненного, как и остальные литературные организации, после постановления ЦК ВКП (б) от 23 апр. 1932 г. «О перестройке литературно-художественных организаций».

Орфография и пунктуация в публикуемых документах, кроме специально оговоренных случаев, приведены в соответствие с современными нормами; очевидные ошибки исправлены. Подчеркивания в тексте выделены курсивом; зачеркивания заключены в квадратные скобки.

¹⁴² [Б. н.]. О близоруком редакторе и большевистской непримиримости // Наступление. 1932. 16 марта. № 2. С. 1.

¹⁴³ См. в примеч. А. В. Крусанова и И. С. Мальского к их публ.: *Бахтерев И.* Горькие строки. С. 641.

¹⁴⁴ Н. Олейников, отмечая впоследствии неблагоприятную роль руководства ленинградского издательства «Молодая гвардия» и детской секции РАПП, заметил, что оно «немало потрудились для того, чтобы изгнать детских писателей из детской литературы» (*Кобринский А. А.* Даниил Хармс и Николай Олейников на дискуссии о формализме 1936 года. С. 341).

¹⁴⁵ РО ИРЛИ, ф. 291, оп. 2, № 141, л. 17. Одновременно были исключены Л. Борисов, Н. Вагнер, Н. Клюев, М. Кузмин, Н. Рославлева.

¹⁴⁶ Протокол заседания комиссии по перерегистрации опубл.: Новые документы из архива А. Д. Скалдина / Публ. Т. С. Царьковой // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1998–1999 год. СПб., 2003. С. 391–393. В тот же день было подтверждено исключение Туфанова.

В Правление Союза поэтов
От Левого Фланга
Заявление

Представители Левого Фланга [в две очередные пятницы со стихами не выступают, а] предлагают правлению предоставить Левому Флангу один вечер для устройства диспута с двумя докладами:

Туфанов — «Язык-Каженик»; 2) Хармс — Введенский — «Устав чинарей».

Для привлечения всех членов Союза поэтов и Союза писателей желательнее оповестить через газету.

А. Туфанов
[Александр Ив. Введенский]
[Даниил Иванович Хармс].¹
<Декабрь 1926 г.>

В Ленинградское отделение Союза поэтов
Протест

28 марта 1927 года на литературно-словесном отделении Высших курсов искусствования состоялось заседание литературного кружка, на которое бюро кружка пригласило группу поэтов «чинарей»: Введенского, Хармса, Заболоцкого, Бахтерева и друг<их>.

После вступительного слова Сергея Цимбала началось чтение произведений присутствующих поэтов в их собственном исполнении.

Все шло совершенно гладко, и только изредка аудитория по поводу того или иного слишком «удачного» образа, с точки зрения «чинарей», или глупого, по мнению большинства присутствующих, — нарушала прочувствованные слова оратора смехом или короткой остротой, сказанной вполголоса.

«Чинарей» покорило даже и это.

Совершенно внезапно из-за какого-то пустяка председатель собрания, находившийся явно на стороне гостей, придрался к председателю

¹ РО ИРЛИ, ф. 291, оп. 2, № 23, л. 1. Заявление написано рукой Туфанова; подписи Введенского и Хармса — автографы, карандашом. Вверху слева — приписка секретаря правления: «См<отри> протокол засед<ания> правления от 24 / XII 1926».

лен<инградского> ЛЕФа молодому писателю Берлину и потребовал его удаления из аудитории. Собрание запротестовало.

Тогда, взобравшись на стул, член Вашего Союза поэтов Хармс, «великолепным» жестом, подняв вверх руку, вооруженную палкой, заявил поставленным голосом:

— «Я в конюшнях и бардаках — не читаю!»

Мы, студенты советского учебного заведения, категорическим образом протестуем против подобных хулиганских выпадов лиц, являющихся в качестве официальных представителей литературной организации на студенческие собрания. Мы ставим этот вопрос перед Союзом поэтов для того, чтобы он сделал соответствующее внушение своему члену, подрывающему авторитет организации в рядах молодежи.

Мы требуем исключения Хармса из Союза поэтов, считая, что в легальной советской организации не место таким лицам, которые сравнивают советский вуз с публичным домом и конюшней, осмеливаясь это заявлять на многолюдном собрании.

Подписи:

1. Леон. Айзенштадт (Железнов)
2. Г. Кальма<нович> (Яновский)
3. С. Утченк<о>
4. Н. Гудков (Кдуг.)
5. М. Векс<лер>
6. М. Мейерович
7. Коза<ков> (член культкомиссии ВКИ)
8. Борис Рейн
9. А. Элькишек
10. Бар<мин>
11. Л. Беркович
12. Е. Юновская
13. <Квита?>
14. <Лисеневский?>
15. <Пинзер?>
16. Казаринская
17. К. Перельштейн
18. И. Рысс
19. <Ергибович?>.²

<Март–апрель 1927 г. >

Заявление в Лен<инградский> Союз поэтов
От Академии Левых Классиков

Мы, Академия Левых Классиков, даем некоторую справку к статье Железнова и Иоффе «О чинарях», помещенную в газете «Смена» от воскресенья 3-го апреля 1927 года.

² Там же, № 24, л. 1–1 об. Машинопись; подписи — автографы. *Берлин Евгений Григорьевич* — студент словесного отделения Высших курсов искусствознания ГИИИ, секретарь культкомиссии Курсов, член ЛАПП.

Причина описываемого скандала и его значение не таково, как об этом трактует «Смена». Мы еще до начала вечера слышали предупреждение о том, что собравшаяся публика настроена в достаточной степени хулигански. На это принятая нами мера заключалась только в том, чтобы прочесть меньше стихов, нежели мы рассчитывали.

Наше появление перед публикой было сравнительно спокойно. Дальше же произошло следующее. Пригласившее нас собрание не позаботилось даже выбрать председателя, должность которого заменяла некая Борозина, доселе нам малоизвестная. Во время читки стихов в публике начали раздаваться голоса, и особенно часто голос студента ГИИИ, тов. Берлина, пытавшегося, по всей вероятности, острить. Борозина, считавшая за собой некоторую ответственность, просила его замолчать, чего не последовало. Когда читал чинарь А. И. Введенский, то шум в публике возрос за пределы возможности читки, что заставило его спросить — читать ли еще? На это послышались голоса — «читайте». Тогда вышеупомянутый т. Берлин крикнул: «Хватит». Его подхватили. Начался спор в публике. И вот не мы, как утверждает «Смена», а т. Борозина, заменяющая должность председателя, по своей собственной инициативе попросила т. Берлина покинуть заседание, а до тех пор она считает вечер закрытым. В зале раздались свистки, крики и спор. Выскакивали ораторы, которых никто не слушал. Это длилось минут 5–7, пока чинарь Д. И. Хармс не вышел и не сказал своей роковой фразы: «Товарищи, имейте в виду, я ни в конюшнях, ни в бардаках не выступаю», после чего покинул собрание. Шум длился еще некоторое время и кончился дракой в публике вне нашего участия.

После всего вышеизложенного мы, Академия Левых Классиков, считаем свое поведение вполне соответствующим оказанному нам приему, и резкое сравнение Д. И. Хармса, относящееся к имевшему быть собранию, а не к вузу вообще, по трактовке тт. Иоффе и Железнова, считаем также весьма метким.

В заключение мы должны еще сказать уважаемым членам корреспондентам ежедневной газеты «Смены»: — Вы ошибаетесь, товарищи, вспоминая некстати «пьяный угар», «битье бутылок» и «русскую натуру», ошибаетесь также, говоря о наших «хулиганских намерениях», и слишком мягко описываете слушающую аудиторию словами: «И только изредка собравшиеся студенты смеялись или острили вполголоса».

Чинарь А. И. Введенский

Чинарь Д. И. Хармс.³

<Апрель 1927 г. >

³ Там же, л. 2–2 об. Заявление написано рукой Хармса; подписи — автографы. Фрагмент опублик.: Хармс Д. Полет в небеса / Сост. А. Александрова. Л., 1988. С. 543; Jaccard J.-Ph., Устинов А. Заумник Даниил Хармс: Начало пути. S. 169–170; Введенский А. Полн. собр. произведений. Т. 2. С. 143; Кобринский А. Даниил Хармс. М., 2008. С. 65–66.

ВСЕРОССИЙСКИЙ СОЮЗ ПИСАТЕЛЕЙ
АНКЕТА ДЛЯ ЧЛЕНОВ СОЮЗА⁴

1. Фамилия, имя, отчество: Хармс Даниил Иванович.
2. Литературный псевдоним:
3. Точный адрес: Надеждинская 11, кв. 8. тел. 32–15.
4. С какого времени состоите членом Всероссийского Союза Писателей: (В Союзе поэтов с 1925 года).
5. Год и место рождения: 30 декабря 1905 года.
6. Социальное происхождение: Сын служащего.
7. Образование (домашнее, низшее, *среднее*, специальное, знание иностранных языков): Образование среднее и особое. Языки знаю английский и немецкий.
8. В каком возрасте начали писать: В особом.
9. Где и когда напечатано ваше первое произведение (его заглавие): В I сборнике Союза поэтов. [«Происшествие на»] «Случай на железной дороге».⁵
10. Перечислите издания, в которых вы участвовали: а) до 1914 г., б) с 1914 по 1917 г., в) с 1918 г. по сей день: С 1927 года в Госиздате.
11. Были ли перерывы в вашей литературной работе, и если были, то почему; их длительность: Были по всяким случаям. На полтора года прекратил почти совсем писать благодаря женитьбе.⁶
12. Имеются ли у вас отдельные издания (книги, брошюры, сборники, собрания сочинений); перечислите их подробно, по возможности с указанием отзывов критики:
13. Переведены ли ваши произведения на иностранные языки:
14. Имеются ли у вас работы в рукописях; укажите их характер и количество печатных листов: Имеются.
15. Почему находящиеся в рукописях работы не напечатаны: Не доходят до сознания читателей.
16. Ваша литературная специальность (беллетристика, поэзия, критика, переводы, редактирование и проч.): Смыслосплетение.⁷
17. Ваша профессия в прошлом: Все то же.
18. Какую профессию вы считаете для себя основной: Литератор.
19. Где служите в настоящее время: —
20. Состоите ли членом профессионального союза, и какого именно: Был в Союзе Раб<отников> Полигр<афического>

---

⁴ В анкетах Хармса сохранены авторская орфография и пунктуация; их нарушение нередко являлось характерным приемом творчества. Подчеркивания в тексте выделены курсивом; зачеркивания заключены в квадратные скобки.

⁵ Собрание стихотворений: Сборник Ленинградского отделения Всероссийского союза поэтов. Л., 1926. С. 71–72.

⁶ Имеется в виду брак с Эстер Александровной Русаковой (1909–1938; по другим сведениям — 1943), заключенный в марте 1928 г. и продлившийся до конца 1929 г.

⁷ Разрушение привычных логических связей между понятиями и предметами, столкновение смыслов, соединение несоединимого в обычном понимании должно было, по мысли Хармса, привести к расширению смысла предмета и очищению его истинной сущности. См. также его ответ на пункт 16 анкеты от 28 нояб. 1930 г.

Произв<одства>. Опять вступил в Союз Полигр<афических> Работн<иков>. ⁸

21. Ваша партийность: —

22. Ваше участие в революционном движении и общественной жизни:

23. Дополнительные замечания:

Дата: 19 октября 1929 года.

Подпись: Даниил Хармс. ⁹

ВСЕРОССИЙСКИЙ СОЮЗ ПИСАТЕЛЕЙ АНКЕТА ДЛЯ ЧЛЕНОВ СОЮЗА ¹⁰

1. Фамилия, имя, отчество: Введенский Александр Иванович
2. Литературный псевдоним:
3. Точный адрес: Петр<оградская> стор<она>. Съезжинская ул. 37 кв. 14.
4. С какого времени состоите членом Всероссийского Союза Писателей: (состоял в Союзе поэтов с 1924 г.)
5. Год и место рождения: 1904 г. гор. Петербург.
6. Социальное происхождение: сын служащего
7. Образование (домашнее, низшее, *среднее*, специальное, знание иностранных языков):
8. В каком возрасте начали писать: 16 лет.
9. Где и когда напечатано ваше первое произведение (его заглавие): В Ленинграде в I сборнике Союза поэтов. 1926 г. ¹¹
10. Перечислите издания, в которых вы участвовали: а) до 1914 г., б) с 1914 по 1917 г., в) с 1918 г. по сей день: с 1927 года печатаюсь в Ленотгизе. (Детская литература)
11. Были ли перерывы в вашей литературной работе, и если были, то почему; их длительность:
12. Имеются ли у вас отдельные издания (книги, брошюры, сборники, собрания сочинений); перечислите их подробно, по возможности с указанием отзывов критики: 8 книжек изданных Ленотгизом (Детская литература)
13. Переведены ли ваши произведения на иностранные языки:
14. Имеются ли у вас работы в рукописях; укажите их характер и количество печатных листов: есть.

⁸ Вероятно, Хармс и Введенский (см. анкету Введенского от 19 окт. 1929 г., пункт 20) в 1929 г. были исключены из профсоюза.

⁹ РО ИРЛИ, ф. 291, оп. 1, № 455, л. 23. Анкета заполнена черными чернилами. В верхнем левом углу надпись красным карандашом: «Утв<ердить>». В верхнем правом углу приписка фиолетовыми чернилами рукой делопроизводителя Союза писателей А. В. Ганзен: «Вычеркнут»; черными чернилами: «№ 306 / 40». В пункте 10 наискосок — надпись карандашом рукой неустановленного лица: «Принять. 28 / X».

¹⁰ В анкетах Введенского сохранена авторская пунктуация, значимая для раннего периода творчества, и вариативное написание ответов с прописной и строчной буквы. Подчеркивания в тексте выделены курсивом; зачеркивания заключены в квадратные скобки.

¹¹ Введенский А. Начало поэмы // Собрание стихотворений: Сборник Ленинградского отделения Всероссийского союза поэтов. Л., 1926. С. 14–15.

15. Почему находящиеся в рукописях работы не напечатаны: еще не успели выйти. Имеется 16 договоров с Ленотгизом. Рукописи лежат в типографии
16. Ваша литературная специальность (*беллетристика, поэзия, критика, переводы, редактирование и проч.*):
17. Ваша профессия в прошлом:
18. Какую профессию вы считаете для себя основной: Литератор.
19. Где служите в настоящее время: —
20. Состоите ли членом профессионального союза, и какого именно: состоял членом Союза печатников. (В настоящее время возобновляю членство)¹²
21. Ваша партийность: —
22. Ваше участие в революционном движении и общественной жизни: —
23. Дополнительные замечания: —

Дата: 19 октября 1929

Подпись: А. Введенский.¹³

ВСЕРОССИЙСКИЙ СОЮЗ ПИСАТЕЛЕЙ АНКЕТА ДЛЯ ЧЛЕНОВ СОЮЗА

1. Фамилия, имя, отчество: Введенский Александр Иванович
2. Литературный псевдоним: —
3. Точный адрес: Ленинград. Съезжинская ул., д. 37 кв. 14. Тел. 5-45-26.
4. С какого времени состоите членом Всероссийского союза писателей: —
5. Год и место рождения: Петербург. 1904 г.
6. Социальное происхождение: сын служащего.
7. Образование (домашнее, низшее, *среднее*, специальное, знание иностранных языков): среднее.
8. В каком возрасте начали писать: 16 л<ет>.
9. Где и когда напечатано ваше первое произведение (его заглавие): —
10. Перечислите издания, в которых вы участвовали: а) до 1914 г., б) с 1914 по 1917 г., в) с 1918 г. по сей день: Абраккас. 4 сб<орник> (не вышел).¹⁴

¹² Имеется в виду Всероссийский профессиональный союз работников полиграфической промышленности. Литераторы зачислялись в профсоюз по секции печати. См. примеч. 8.

¹³ РО ИРЛИ, ф. 291, оп. 1, № 453, л. 20. Анкета заполнена черными чернилами. В верхнем левом углу надпись красным карандашом: «Утв<ердить>». В верхнем правом углу приписки фиолетовыми чернилами рукой А. В. Ганзен: «Вычеркнут за неоформлением. 19 / XI—29 г.»; черными чернилами: «№ 307 / 41»; в пункте 10 наискосок — карандашом рукой неустановленного лица: «Принять. 28 / X».

¹⁴ «Абраккас» — коллективные сборники поэтической группы «эмоционалистов», в которую входили М. Кузмин, А. и С. Радловы, В. Дмитриев, Ю. Юркун, К. Вагинов, Б. Папаригопуло, А. Пиотровский. В 1922–1923 гг. вышли три сборника под ред. О. Тизенгаузена (1), М. Кузмина и А. Радловой (2, 3). В сборниках принимали также участие: А. Ахматова, К. Вагинов, Б. Пастернак и др. Четвертый сборник был запрещен цензурой в 1924 г. В середине 1920-х гг. Введенский и Хармс бывали на литературных вечерах у Кузмина.

11. Были ли перерывы в вашей литературной работе, и если были, то почему; их длительность: —
12. Имеются ли у вас отдельные издания (книги, брошюры, сборники, собрания сочинений); перечислите их подробно, по возможности с указанием отзывов критики: —
13. Переведены ли ваши произведения на иностранные языки: —
14. Имеются ли у вас работы в рукописях; укажите их характер и количество печатных листов: очень много, все что написано имеется только в рукописном виде, одна вещь в корректуре.¹⁵
15. Почему находящиеся в рукописях работы не напечатаны: по непростительной причине. Никто еще не выразил желаний их напечатать.
16. Ваша литературная специальность (*беллетристика, поэзия, критика, переводы, редактирование и проч.*):
17. Ваша профессия в прошлом: учащийся.
18. Какую профессию вы считаете для себя основной: АВТО-ритет Бессмыслицы.
19. Где служите в настоящее время:
20. Состоите ли членом профессионального союза, и какого именно: — [Член Рабпроса. Секц<ия> печат<и>].¹⁶
21. Ваша партийность: —
22. Ваше участие в революционном движении и в общественной жизни: —
23. Дополнительные замечания:

Дата: 12 февраля

Подпись: А. Введенский.¹⁷
<1926 г. >

ВСЕРОССИЙСКИЙ СОЮЗ СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ

Анкета для членов Союза

1. Фамилия, имя, отчество: Хармс Даниил Иванович
2. Литературный псевдоним: Даниил Хармс
3. Точный адрес: Надеждинская 11 кв. 8. тел. 32–15.
4. С какого времени состоите членом Всероссийского союза советских писателей: (В Союзе поэтов с 1925 года).
5. Год и место рождения: Петербург 1905 год.
6. Социальное происхождение: Сын служащего.
7. Образование (домашнее, низшее, среднее, специальное, знание иностранных языков): образование среднее. Знаю английский и немецкий яз<ыки>.
8. В каком возрасте начали писать: Не помню.

¹⁵ См. примеч. 11.

¹⁶ Рабпрос — Всероссийский профессиональный союз работников просвещения.

¹⁷ РО ИРЛИ, ф. 291, оп. 1, № 448, л. 14. Анкета заполнена карандашом. В верхнем левом углу приписка чернильным карандашом рукой неустановленного лица: «Отклонить. 14 / 3–26»; в верхнем правом углу — черными чернилами: «Вх. № 274. 18 / II-26 г. ».

9. Где и когда напечатано Ваше первое произведение (его заглавие): Сборник Союза поэтов. «Как-то бабушка махнула и тотчас же самовар детям подал и сказал: пейте кашу и сундук». ¹⁸
10. Перечислите издания, в которых Вы участвовали: а) до 1914 г., б) с 1914 г. по 1917 г., в) с 1918 г. по сей день: С 1927 г. печатаюс в Госиздате. Книги: «Во первых во вторых», «Иван Иванович Самовар» и т. д. и много других. ¹⁹
11. Были ли перерывы в Вашей литературной работе, и если были, то почему; их длительность: Не было. Я кусал свечу.
12. Имеются ли у Вас отдельные издания (книги, брошюры, сборники, собрания сочинений); перечислите их подробно, по возможности с указанием отзывов критики: Имеются много отдельных книг в детской литературе и ни одной взрослой. Отзывы критики все ругательные.
13. Переведены ли Ваши произведения на иностранные языки:
14. Имеются ли у Вас работы в рукописях; укажите их характер и количество печатных листов: Очень много. Характер бессмысленный.
15. Почему находящиеся в рукописях работы не напечатаны: Не доступны пониманию.
16. Ваша литературная специальность (беллетристика, поэзия, критика, переводы, редактирование и проч.): Стихи и вилки.
17. Ваша профессия в прошлом: Колмотряс. ²⁰
18. Какую профессию Вы считаете для себя основной:
19. Где служите в настоящее время:
20. Состоите ли членом профессионального союза, и какого именно:
21. Ваша партийность:
22. Ваше участие в революционном движении и в общественной жизни:
23. Дополнительны замечания:

Дата: 28 ноября 1930 года.

Подпись: *Даниил Хармс.* ²¹

¹⁸ Неточное воспроизведение первых строк стихотворения «Случай на железной дороге». Опубликованный вариант: «Как-то бабушка махнула и сейчас же паровоз...».

¹⁹ Хармс Д. 1) Во-первых и во-вторых. М.; Л., 1929; 2) Иван Иванович Самовар. Стихи для детей. М., 1929.

²⁰ Возможно, Хармс обыгрывает фамилию критика Д. Кальма, опубликовавшего в 1929 г. разгромную статью о детском секторе ГИЗа, в которой книжка Хармса «Во-первых и во-вторых» была названа «чудовишной». Вероятно, он также знал, что фамилия «Кальм» в переводе с английского языка (calm), которым он владел, означает «спокойствие», «тишина». Придуманное им словообразование интерпретируется в этом случае как «потрясатель», нарушитель общественного спокойствия.

²¹ РО ИРЛИ, ф. 291, оп. 1, № 458, л. 24. Анкета отпечатана на машинке; ответы вписаны фиолетовыми чернилами. В верхнем правом углу приписка делопроизводителя А. В. Ганзен: «Принят 4 / XII 1930 г. № 466. 28 / XI 30».

ВСЕРОССИЙСКИЙ СОЮЗ СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ

Анкета для членов Союза

1. Фамилия, имя, отчество: Введенский Александр Иванович
2. Литературный псевдоним:
3. Точный адрес: Съезжинская 37 кв. 14. т. 5–45–26 гор. Ленинград
4. С какого времени состоите членом Всероссийского Союза Писателей: (Состоял в Союзе поэтов с 1924 г.)
5. Год и место рождения: 1904 г. гор. Петербург.
6. Социальное происхождение: Сын служащего
7. Образование (домашнее, низшее, *среднее*, специальное, знание иностранных языков):
8. В каком возрасте начали писать: 16 лет
9. Где и когда напечатано Ваше первое произведение (его заглавие): В Ленинграде в сб<орнике> Союза поэтов в 1926 г.
10. 10. Перечислите издания, в которых Вы участвовали: а) до 1914 г., б) с 1914 г. по 1917 г., в) с 1918 г. по сей день: С 1927 года печатаюсь Ленотгизе. Журналы «Еж» и «Чиж». Вышли в свет детские книги. 1) Кто, 2) Много зверей, 3) Рыбаки, 4) Летняя книжка, 5) Ветер, 6) Октябрь, 7) Зима кругом, 8) На реке, 9) Мая, 10) Авдей-Ротозей, 11) В дорогу, 12) Мед, 13) Путешествие в Крым, 14) Рабочий праздник, 15) Коля Кочин.²²
11. Были ли перерывы в Вашей литературной работе, и если были, то почему; их длительность: Небольшие, месяца по два.
12. Имеются ли у Вас отдельные издания (книги, брошюры, сборники, собрания сочинений); перечислите их подробно, по возможности с указанием отзывов критики: Смотреть выше. Критических отзывов было не много. (В газетах и в некот<орых> журн<алах>).
13. Переведены ли Ваши произведения на иностранные языки:
14. Имеются ли у Вас работы в рукописях; укажите их характер и количество печатных листов: Листов 20–30 [взрослых] стихов и прозы (не для детей), характер *значительный*.
15. Почему находящиеся в рукописях работы не напечатаны: Написаны для львов. Они по-печатному не понимают.²³

²² *Введенский А.* 1) Кто? Стихи для детей. М., 1930; 2) Много зверей. Стихи для детей. М., 1928; 3) Рыбаки. Стихи для детей. М.; Л., 1930; 4) Летняя книжка. Стихи для детей. М., 1929; 5) Ветер. Стихи для детей. М.; Л., 1930; 6) Октябрь. Стихи для детей. М., 1930; 7) Зима кругом. Стихи для детей. М., 1930; 8) На реке. Стихи. М., 1928; 9) Мая. Рассказ. М.; Л., 1928; 10) Авдей-Ротозей. Рассказ для детей. М., 1929; 11) В дорогу. Стихи для детей. М.; Л., 1930; 12) Мед. Стихи. М.; Л., 1930; 13) Путешествие в Крым. Стихи для детей. М., 1929; 14) Рабочий праздник. Стихи для детей. М.; Л., 1930; 15) Коля Кочин. Стихи для детей. М., 1930.

²³ Вероятно, Введенский обыгрывает ошибку, допущенную при публикации отрывка из его поэмы «Минин и Пожарский» в сборнике Союза поэтов «Костер» (Л., 1927). Вместо — «то знали ль вы не знали вы» (парафраз стихотворения Пушкина «Певец»), было напечатано — «то — знали львы — не знали львы», что нарушило принцип имплицитного звукового сдвига на стыке слов, восходящий к теории звуковой сдвигологии А. Крученых. В книге «500 новых острот и каламбуров Пушкина» (М., 1924) Крученых отметил многочисленные примеры «стирания» звуковых границ

16. Ваша литературная специальность (беллетристика, поэзия, критика, переводы, редактирование и проч.): Стихи и пятнадцать²⁴
17. Ваша профессия в прошлом: Не было.
18. Какую профессию Вы считаете для себя основной: Литературу.
19. Где служите в настоящее время: Нигде.
20. Состоите ли членом профессионального Союза, и какого именно: Чл<ен> Союза печатников.
21. Ваша партийность: —
22. Ваше участие в революционном движении и в общественной жизни: Поездка летом 1930 г. с ударной бригадой в Сталинград на тракторный завод.
23. Дополнительные замечания:

Дата: 28 ноября 1930 г.

Подпись: А. Введенский.²⁵

<Анкета для перерегистрации
члена Всероссийского союза советских писателей>

1. Фамилия: Введенский
2. Имя, отчество: Александр Иванович
3. Адрес и № тел<ефона>: Съезжинская ул. 37 кв. 14
4. Член ВССП с г. и № член<ского> билета:
5. Какой секции: детск<их> писат<елей>
6. Какого профсоюза:
7. № чл<енской> книжки:
8. Год рождения: 1904
9. Соц<иальное> происхождение: сын служ<ащего>
10. Соц<иальные> положения до и после октября 1917 г.: то же
11. Место службы или работы: работаю в «Молодой Гвардии»
12. Судимость: нет
13. Не лишены ли изб<ирательных> прав: нет
14. Партийность: беспартийный
15. Лит<ературная> специальность: поэт
16. *Когда и где напечатан Ваш первый лит<ературный> труд, его название:

в поэзии Пушкина, вследствие чего на звуковом уровне появляется каламбурное слово, «не бывшее в тексте», в частности — «икра», «ужи» и «львы»: «Все те же ль вы? Другие ль девы...» («Евгений Онегин»); «Слыхали ль вы за рошей глас ночной...» («Певец»). См. об этом также: *Введенский А.* Полн. собр. соч. Т. 2. С. 263; Дневниковые записи Даниила Хармса. С. 525.

²⁴ Очевидно, имеются в виду пятнадцать книг, указанных в пункте 10 анкеты. Ср. также с ответом Хармса на пункт 16 анкеты от 28 нояб. 1930 г.

²⁵ РО ИРЛИ, ф. 291, оп. 1, № 456, л. 19. Анкета отпечатана на машинке; ответы вписаны фиолетовыми чернилами. В верхнем правом углу приписка делопроизводителя А. В. Ганзен: «Принят 4 / XII 30. № 467. 28 / XI 30». В пункте 12 исправлено слитное написание «немного»; в пункте 15 — раздельное написание «по печатному».

17. Какие лит<ературные> труды Ваши вышли за посл<едние> 3 года и где именно напечатаны: начиная с 1927 напеч<атано> до 20 детских книг в изд<ании> Леногиза и «Молодой Гвардии».
*В 1925 г. в сб<орнике> «Союза поэтов».

Дата:

Подпись: А. Введенский.²⁶
<1931 г. >

ВСЕРОССИЙСКИЙ СОЮЗ СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ

Анкета для кандидатов в члены

1. Фамилия, имя, отчество: Введенский Александр Иванович.
2. Литературный псевдоним:
3. Точный адрес и № телефона: Съезжинская ул. 37 кв. 14.
4. Членом какой лит<ературной> организации состояли и состоите:
5. Год и место рождения: 1904 г. Петербург.
6. Социальное *происхождение*: сын служащего
7. Образование (домашнее, *среднее*, низшее, специальное; знание иностранных языков):
8. Соц<иальное> положение до и после октября 1917 г.: сын служ<ащего>. До 1921 г. учащийся, потом лит<ературный> раб<отник>.
9. В каком возрасте начали писать, и где и когда напечатан Ваш первый лит<ературный> труд (его название): в 16 лет. Первое стих<отворение> напеч<атано> в сб<орнике> «Союза поэтов».
10. Перечислите периодич<еские> издания и книгоиздательства, в которых Вы участвовали: а) до 1914 г.; б) с 1914 до 1917 г.; в) с 1918 г. по сей день: с 1927 регулярно печатаюсь в изд<ательстве> «Молодая Гвардия».
11. Были ли перерывы в Вашей литературной работе, и если были, то почему; их длительность: нет.
12. Имеются у Вас отдельные издания (книги, брошюры, сборники, собрания сочинений); перечислите их подробно с указанием по возможности времени их выхода в свет и наименованием книгоиздательства, а также с указанием отзывов критики: до 20 детских книг изданных Леногизом и «Молодой Гвардией».²⁷
13. Когда и где напечатан Ваш последний лит<ературный> труд: В изд<ательстве> «Мол<одой> Гвардии» в нач<але> октября выходят три моих последних книжки.²⁸
14. Переведены ли Ваши произведения на иностранные языки:

²⁶ Там же, № 459, л. 41. Анкета отпечатана на машинке на листе небольшого формата, ответы вписаны зелеными чернилами. На обороте — информационное письмо исполбюро ВССП к членам Союза: «Уважаемый товарищ. Ввиду предстоящей перерегистрации членов ВССП Исполбюро просит Вас заполнить находящуюся на обороте сего анкету и вернуть ее в недельный срок в канцелярию Союза. Невозвращение анкеты, небрежное ее заполнение (неточные сведения, недостаточно разборчивый почерк) будут означать Ваше нежелание перерегистрироваться. Исполбюро». Датируется по содержанию (исполбюро ВССП было создано в 1931 г.). В архиве Союза находилась в подборке анкет, заполненных для перерегистрации в апреле 1931 г. В пункте 5 Введенский, вероятно, ошибочно указал на свое членство в детской секции. В пункте 16 неверно указан год появления первой публикации Введенского. См. примеч. 11.

²⁷ См. примеч. 22.

²⁸ Возможно, имеются в виду книги «Подвиг пионера Мочина», «Письмо Густава Мейера» и переиздание книги «Октябрь».

15. Имеются ли у Вас работы в рукописях; укажите их характер и количество печатных листов: ———
16. Почему находящиеся в рукописях работы не напечатаны: ———
17. Ваша литературная специальность (беллетристика, поэзия, критика, переводы, редактирование и проч.):
18. Ваша профессия в прошлом: учащийся.
19. Какую специальность Вы считаете для себя *основной*: литературу (поэзию).
20. Где служите в настоящее время: нигде.
21. Состоите ли членом профессионального союза, и какого именно; № профсоюзной книжки: нет.²⁹
22. Ваша партийность: беспартийный.
23. Ваше участие в революционном движении и в общественной жизни; какую нагрузку общественную несете в настоящее время:
24. Судимость при царск<ом> режиме и в революц<ионное> время: нет
25. Не лишены ли избир<ательных> прав: нет
26. Дополнительные замечания:

Дата: 27 сентября 1931 г.

Подпись: А. Введенский.³⁰

---

²⁹ Видимо, Введенский в очередной раз был исключен из профсоюза в 1930 г., после статьи Нильвича и исключения из Союза писателей.

³⁰ РО ИРЛИ, ф. 291, оп. 1, № 464, л. 18. Анкета отпечатана на машинке, ответы вписаны зелеными чернилами.